

Талантливый детектив

Марта Таро

**СЛАДКАЯ
УЛЫБКА
ЗАВИСТИ**

Annotation

1816 год, Петербург. Фрейлина Орлова получает от императрицы-матери новое задание — найти во дворце вора, виновного в краже императорских ценностей. Под подозрение попадают фрейлины. Занимаясь этим неприятным делом, Орлова невольно становится участницей настоящей драмы: жених княжны Ольги Черкасской стал жертвой чёрной магии, и девушка готова на всё, лишь бы помочь любимому. Сможет ли Ольга найти вора и освободить жениха от чар привороты, и какую цену ей придётся за это заплатить?

В очередном романе Марты Таро «Сладкая улыбка зависти» фрейлине Агате Орловой вновь помогут её острый ум, наблюдательность и... карты Таро.

Марта Таро

Сладкая улыбка зависти

© Таро М., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Глава первая

Деликатное дело

Павловск

5 декабря 1816 г.

Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна ненавидела дождь. Да и с чего его любить, коли сыро, холодно и колени болят? Не погода, а наказание Господне! Ну а в нынешнем декабре природа и вовсе сошла с ума: вместо мороза — льёт, как из ведра. Государыня отогнула штору на окне кабинета, и у неё защемило сердце: парк, безлистый и озябший, тихо угасал за покрытой седою рябью излучиной Славянки.

«Вот и ещё один год уходит, много ли их у меня осталось?»

Мысли были печальными, как серая безнадежность за окном, да и предстоящий визит не добавлял радости. Утром императрице передали послание от графа Кочубея. Тот просил аудиенции. Мария Фёдоровна не помнила уже, когда в последний раз видела здесь этого царедворца: граф избегал визитов в Павловск. Друг юности императора Александра, Кочубей был искренне предан своему государю и никогда не стал бы без крайней нужды рисковать его расположением. Старший сын Марии Фёдоровны царствовал уже пятнадцать лет, но всё ещё очень ревниво относился к вмешательству матери в свои дела. Внешне всё казалось почтительным и благопристойным, но знающие люди старались, от греха подальше, обходить подводные камни стороной. Кочубей же был одним из самых знающих.

«Что-то случилось? — размышляла Мария Фёдоровна. — Но из дворца вестей нет, значит, не там...»

Соглядатаи у Марии Фёдоровны имелись везде: на половине сына, у невестки — императрицы Елизаветы Алексеевны, в доме Марии Нарышкиной — фаворитки Александра. В Павловск слетались весточки из Государственного совета, министерств и дворцовой канцелярии. Покойная свекровушка — Екатерина Великая — научила Марию Фёдоровну выживать, и теперь (на старости лет) вдовствующая императрица была более чем когда-либо уверена, что сохранить власть можно, лишь зная всё и вся.

— Его высокопревосходительство граф Кочубей, — доложил лакей.

— Проси...

Нежданный гость прошёл в кабинет. Всё ещё стройная фигура графа была затянута во фрак, а поверх белого шейного платка красовался узкий чёрный галстук. Эту английскую моду Мария Фёдоровна не любила, но виду не подала, хоть на языке так и вертелось ехидное замечание о «лишних шнурках». Наоборот, протянула Кочубею руку.

— Рада видеть вас, Виктор Павлович. Супругу-то где оставили?

— С дамами в гостиной, ваше императорское величество...

Мария Фёдоровна только сейчас заметила в руках у гостя небольшой сафьяновый портфель. Ну точно, предчувствия не обманули! Наверняка что-то важное. Значит, нечего тянуть кота за хвост... Отбросив любезности, императрица перешла к делу:

— Вы хотите мне что-то сообщить?

Кочубей с готовностью подтвердил:

— Да, ваше императорское величество. Простите великодушно, что побеспокоил, но

дело настолько деликатное...

— Садитесь и рассказывайте!

Мария Фёдоровна опустилась в кресло у круглого чайного столика и указала Кочубею на соседний стул.

— Ваше императорское величество, я по долгу службы в Государственном совете ведаю в том числе и делами духовными. Всё, что связано с сектами и запретными культами, подлежит тщательному расследованию...

Граф открыл портфель и выложил на скатерть пудреницу, зеркальце в оправе из позолоченного серебра и несколько колец. Императрица мгновенно узнала вещи. Да и как она могла их не узнать, если выбирала сама?

— Откуда это у вас?

— На Охте убили одну француженку. Сомнительная личность — полиции она была известна под именем Клариссы. Так вот эти вещи нашли в её доме. Сия иностранка оказывала услуги богатым дамам, тем, кто... как бы это сказать... предпочитает женскую ласку. Но это было бы ещё полбеды. Хуже всего то, что Кларисса занималась чёрной магией. Ходят слухи, что она брала дорого, но зато результат всегда оказывался успешным.

Мария Фёдоровна побледнела.

— Вы думаете, что кто-то мог заказать у этой чернокнижницы обряд на государя?

Кочубей явно смутился, но всё-таки признал:

— Здесь в основном вещи, принадлежащие Елизавете Алексеевне: зеркало и пудреница отмечены её вензелем, а рубиновое кольцо и золотую печатку я сам видел на пальцах императрицы.

Граф замолчал. Мария Фёдоровна его понимала, обсуждать несчастный брак венценосной четы было делом не только неприличным, но и опасным. Она сама когда-то немало постаралась, чтобы рассорить сына с его молоденькой женой, о чём теперь, в общем-то, жалела. Свято место пусто не бывает, а княгиня Нарышкина, сделавшись официальной фавориткой государя, имела наглость тягаться властью не только с бессловесной Елизаветой Алексеевной, но и с самой вдовствующей императрицей. Понятно, что законная жена давным-давно не в чести, сидит взаперти на своей половине или по богадельням и приютам ездит, так неужели же бедняжка решилась на крайнее средство и хочет вернуть мужа ценой приворота? На лбу Марии Фёдоровны проступили бисеринки пота: она прекрасно знала, чем заканчиваются такие вещи. Тот, кого приворожили, мог тяжело заболеть, спиться, да и просто погибнуть.

«Кто посмел?!» — застучала в висках ярость, но произнести вслух свой вопрос Мария Фёдоровна не решилась.

Кочубей виновато отвёл глаза, но он-то уже всё сказал. Как говорится, предупредил! Граф хотел, чтобы решение приняла императрица. С одной стороны, это было справедливо: он пришёл к матери — женщине, по праву рождения обязанной оберегать своего сына, но с другой стороны — он поставил на кон жизнь и судьбу несчастной Елизаветы Алексеевны.

Конечно, Мария Фёдоровна не отрицала, что очень виновата перед невесткой, но и сама её простить не могла. Дело было не в ревности, хотя своего первенца мать ревновала всегда и ко всем. Вдовствующая императрица не прощала невестке тех нескольких лет, когда Екатерина Великая носилась с юной Елизаветой, как с писаной торбой, прославляя её небесным ангелом и светом очей. Слишком хорошо помнила Мария Фёдоровна, как тогда помыкала свекровь ею — законной приемницей, женой цесаревича Павла, как давала

понять, что уже нашла ей замену. Зависть к юной невестке за несколько лет испепелила Марии Фёдоровне всю душу. Не дай бог никому так страдать!

«Отправить Кочубея к Александру? — спросила себя императрица. — Пусть выполняет свой долг...»

Искушение было таким сильным, что Мария Фёдоровна не стала ему противиться. Она уже мысленно подбирала обличающие фразы, когда взгляд её упал на одно из колец. Оно было необычным: на золотом ободке сидела бабочка с сапфировыми крылышками, а вокруг неё (выложенные мелкими рубинами) горели языки пламени.

— Чье это? Я такого у Елизаветы не видела...

— Кольцо опознали как подаренное в Вене графом Каподистрией фрейлине Струдзе, — отозвался Кочубей.

— Как «опознали»?! Вы что — уже кому-нибудь показывали эти вещи?

Кочубей неловко повел плечом. Разговор его явно тяготил.

— Ваше императорское величество, я не могу подменить собой полицию. Произошло убийство, ведётся расследование. К счастью, генерал-губернатор проявил завидное благоразумие и решил пока — конечно же, временно — передать все полномочия в мой Департамент гражданских и духовных дел. Решающим аргументом для него стала не только принадлежность вещей, но и само подозрение на связь убитой француженки со знатными греками.

Граф замолчал, но Мария Фёдоровна его уже поняла: в деле об убийстве всплыли имена статс-секретаря Министерства иностранных дел Каподистрии и фрейлины Роксандры Струдзы. Невестка Елизавета обожала Струдзу, но вдовствующая императрица эту набожную фанатичку не любила, уж слишком та была умна и хитра. Втерлась в доверие к Александру Павловичу, завлекала его долгими философскими беседами, в Европе познакомила с «провидицей» Крюденер. Это по их наущению российский император не расставался со Священным Писанием и пропадал в церквах!

— Так значит, это кольцо принадлежит Роксане? — сделав вид, что не заметила неловкости визитёра, спросила Мария Фёдоровна. Она когда-то из вредности «потеряла» в имени фрейлины две зубодробительные согласные, а следом и все дворцовые подхалимы стали называть фрейлину Струдзу усечённым именем.

— Именно так, ваше императорское величество. Я надеялся попросить совета. Вещи Елизаветы Алексеевны, как, впрочем, и кольцо её фрейлины, могли быть украдены. Возможно, что кто-то из близкого окружения императрицы имеет склонность к... э-э-э... — Кочубей опять запнулся, но, опустив глаза, всё-таки закончил: — К тем сомнительным услугам, которые предлагала мадам Кларисса. Подобное стоит изрядных денег. Нельзя исключить, что преступница, а я почти не сомневаюсь, что это — женщина, воровала для расчёта с француженкой.

Наконец-то Мария Фёдоровна поняла, к чему граф клонит. Она в своё время сама настояла, чтобы фрейлины у них с невесткой были общие, и отлично помнила тех, кто сейчас постоянно находился при Елизавете Алексеевне.

— Роксана Струдза, княжна Туркестанова, камер-фрейлина Сикорская и две новенькие: Ольга Черкасская и молоденькая графиня Белозёрова, — перечисляла императрица. — Вы считаете, это кто-то из них?

— Я склоняюсь к тому, что злодейка — из числа фрейлин или горничных Елизаветы Алексеевны. — Кочубей сделал паузу, ожидая вопросов, но императрица промолчала.

Пришлось графу самому раскрыть карты: — Мне поставить государя в известность сегодня же или подождать?

Мария Фёдоровна задумалась. Она могла сейчас одним словом уничтожить невестку, но шевельнулась совесть, зашептала, что хватит уже брать грех на душу, пора угомониться. А самое главное, чему теперь завидовать? Тому, что Елизавета Алексеевна — соломенная вдова при живом муже? Старая императрица подняла глаза и успела поймать острый пронизательный взгляд — Кочубей, похоже, видел её насквозь. Да только зря он обольщается: она его сейчас очень удивит...

— Не стоит спешить! — тон Марии Фёдоровны стал строгим и назидательным: — Дело это слишком деликатное, чтобы можно было без веских доказательств заявлять о подозрениях. Нужно сначала добыть улики, а потом уже идти к государю.

— Конечно, конечно, — с заметным облегчением согласился Кочубей, но тут же поскучил. — Я лично буду контролировать дознание, но даже если мы не найдём злоумышленников, придётся доложить императору. — Следующая пауза тянулась бесконечно долго, но граф всё-таки изрёк: — Самое позднее — через неделю.

Если Мария Фёдоровна и имела по этому поводу какое-нибудь мнение, то оставила его при себе.

— Вот и отлично, контролируйте своё дознание, а я дам вам помощницу, — сообщила она Кочубею.

Граф явно удивился:

— Кого же, ваше императорское величество?

— Фрейлину Орлову! Я временно переведу её к Елизавете Алексеевне. Подождите здесь, я пришлю Агату, и вы всё сами ей расскажете.

Вдовствующая императрица попрощалась с гостем и поспешила в зал, где царского выхода уже ожидали несколько дам, но прежде чем начать представления, Мария Фёдоровна поманила к себе хрупкую русоволосую фрейлину средних лет.

— Агата, ступайте в мой кабинет. Там ждёт граф Кочубей. Он введёт вас в курс одного деликатного дела, — шепнула императрица и, лукаво улыбнувшись, добавила: — Хватит отдыхать, пора за дело — эта загадка по плечу только вам! Кстати, вы уж поспешите, а то я с ума сойду от нетерпения, ожидая развязки...

Глава вторая

Ольгина любовь

Двумя месяцами ранее

Нетерпение гонит Ольгу вперёд. Ветер рвет с её волос шляпку, и чудо французской моды улетает куда-то в бурелом. Скорее!.. Ольга должна победить в этой скачке — доказать князю Курскому, что она ему равня. До поворота осталось совсем чуть-чуть, а там уже видна прямая дорога к имению крёстного. Рыжий Лис обогнал чёрного, как ночная тьма, жеребца князя Сергея. Лиса не нужно погонять, тот родился победителем и сейчас летит как ветер, даже быстрее ветра...

Ольга оглядывается — хочет понять, где же сейчас её соперник. Курский отстал, да так безнадежно, что кажется в зелёной лесной тени крохотным тёмным пятном. Ольга победила! Теперь даже можно придержать Лиса, чтобы не обижать соперника. Зачем? Ведь мужчины так горды и самолюбивы. Княжна вновь смотрит вперёд. Но, Боже милосердный, что это?!. Толстая ветвь старого дуба склонилась над самой тропинкой... Удар, боль и темнота... а потом тёплые объятия — князь Сергей несёт её на руках.

— Где больно, Холли? Скажите, ради бога! — всё время повторяет он.

Больно везде, но разве это так важно, когда полные сочувствия глаза цветут у твоей щеки двумя яркими васильками? Ольга больше не в силах таиться. Если она сейчас не признается, её сердце разорвётся от этого невероятного, обжигающего чувства.

— Я люблю вас, — шепчет Ольга и понимает, что её услышали: объятия князя Сергея становятся теснее.

Он взбегает на крыльцо, потом идёт в спальню. Почему же Курский медлит с ответом? Неужели он не разделяет её чувств? Не может быть, ведь улыбка Сергея полна нежности. Он укладывает Ольгу на постель, сам опускается на одно колено...

— У кого мне просить твоей руки?

Какой простой вопрос! Конечно же, у брата — Алексей опекун всех своих сестёр. Ольга объясняет это жениху. Но почему он так изменился в лице, откуда взялись эти страшные слова, зачем Сергей уходит? Сердце леденеет от ужаса и замирает. Что дальше? Смерть?..

Ольга просыпается. По её щекам текут слёзы, подушка мокрым-мокра, а у кровати стоит перепуганная сестра Лиза.

— Холли, что с тобой происходит? Ты так рыдала, что перебудила весь дом.

У Ольги нет сил что-то объяснять, да и расстраивать сестру не хочется — та ведь на сносях — но уж лучше всё рассказать самой, ведь Лиза (с её-то способностями) непременно узнает правду. Если рассказать, так, может, хоть что-то останется в тайниках души, не будет вытащено на всеобщее обозрение и до косточек перемыто на семейном совете.

— Ты хочешь знать? — спрашивает Ольга. Взгляд сестры тверд — Лиза уже не отступит. Значит, надо признаваться. Ольга вздыхает и сдаётся: — Ну тогда слушай...

Лиза Печерская не могла в это поверить. Да разве такое бывает? Целый клубок невысказанных совпадений... Её младшая сестра в далёком южном имении влюбилась в человека, ставшего на пути их брата, Алексея, в Лондоне. Впрочем, чему удивляться? Лиза лучше всех знала, что в жизни случайностей не бывает. Их невестка Катя, считавшая своего

мужа погибшим, а себя вдовой, дала согласие на второй брак. К счастью, появившийся в Лондоне Алексей успел вмешаться и остановить венчание. Катя все эти годы терзалась — винила себя, что разбила сердце несостоявшемуся жениху Сергею Курскому, а тот, оказывается, всего лишь через три месяца после фиаско с венчанием сделал предложение самой младшей из светлейших княжон Черкасских... Но и сестра хороша! Почему молчала целых два года? Что за ребячество?.. Но как её ругать, ведь Ольга так несчастна...

Лиза заглянула в печальные серые глаза и примирительно сказала:

— Нам Алекс рассказал об этом скандальном венчании ещё в Лондоне. Да и Катя тогда очень переживала. Она считала Курского близким другом и приняла его предложение, лишь поддавшись на уговоры великой княгини Екатерины Павловны.

— От этого никому не легче, — всхлипнула Ольга. — Понимаешь, Курский уже дал мне слово. Я и представить не могла, что он не знает моей фамилии. Крёстный рассказал Сергею, что со мной живет тётя, и назвал её фамилию: «Опекушина». Всё рухнуло, когда князь задал вопрос, у кого просить моей руки, и я назвала имя брата. Сергей переменялся в лице — побледнел аж до синевы, а потом сказал, что Алексей Черкасский никогда не даст согласия на этот брак. Сергей сразу же уехал, разорвав все связи, но я знаю, что была бы с ним счастлива...

Ольга зарыдала в голос. Такой Лиза сестру ещё не видела. Откуда это отчаяние, ведь прошло уже два года? Любое горе должно было притупиться... И где Ольгин разум?

— Холли, ты ещё так молода, тебе нет восемнадцати, а тогда ты и вовсе была ребёнком, да и знакомы вы были меньше двух недель. — Лиза говорила мягко, но настойчиво.

Но Ольга не хотела ничего слушать.

— Сергея я буду любить всегда, — твёрдо заявила она, — мои чувства не изменятся. Они же не изменились за прошедшие годы.

— Но в любви нужны двое! Князь Сергей — взрослый мужчина, ему в пору вашего знакомства уже было лет двадцать восемь, а сейчас — все тридцать. За прошедшие годы, насколько я знаю, он не сделал ни одной попытки примириться с Алексеем, хотя именно Курский виноват в том скандале с венчанием. Нет, Холли, тебе придётся смириться: этот человек для тебя потерян!

— Ну и пусть, значит, я останусь старой девой. Получу своё наследство, вернусь в Ратманово и заживу там тихой жизнью...

Подобное заявление явно не выдерживало никакой критики, и Лиза хмыкнула.

— Холли, я слишком хорошо тебя знаю и не верю, что ты погрузишься в траур и будешь сидеть у пруда, перебирая чётки. Признайся, ты хочешь дожидаться приезда князя Курского в имение и начать всё сначала!

— Не знаю... Я пока об этом не думала, — протянула Ольга, опуская глаза. — Сергей — наследник барона Тальзита, ему следует навещать дядю, ну а потом Троицкое отойдёт единственному наследнику.

Лиза рассердилась:

— Тебе должно быть стыдно, ведь ты думаешь о том, что будет после смерти твоего крёстного! — воскликнула она, но сразу же остыла. Вспомнив собственную юность, графиня не решилась давать советы младшей сестре и примирительно сказала: — В любом случае надо поговорить с Алексом и Катей, в конце концов, тебе не сделали предложение только из-за них.

— Я никого не обвиняю, — парировала Ольга, — я люблю брата и с Катей подружилась.

Если я всё им расскажу, они расстроятся и станут винить себя за отказ князя Сергея жениться на мне.

— Может, ты права, а может, и нет. Скорее всего, Алекс взбеленится, но потом отойдёт — ведь он тебя любит. К тому же, как твой опекун, брат должен знать о том, что произошло между тобой и Курским. Более того, Алекс обязан это знать!

— Ты так считаешь? — уныло спросила Ольга, сама в глубине души понимавшая, что сестра права.

— Да, я так думаю! Давай сделаем так: ваш отъезд в Петербург назначен на послезавтра. Я попрошу у Алексея разрешения оставить тебя ещё на неделю, а ты в ответ всё им с Катей расскажешь.

— Значит, завтра?.. Молчать тяжело, но рассказывать — просто невыносимо. Я не смогу! Но Лиза не собиралась уступать:

— Холли, ты всё сможешь, а потом тебе сразу станет легче, — твёрдо сказала она.

Ольга сильно в этом сомневалась, но выбирать уже не приходилось — дав слово, она всегда его держала... И зачем только всё открылось? А самое главное, как отнесётся к её признаниям Алексей?

Отпуск светлейшего князя Алексея Черкасского заканчивался. Давно лелеемое им желание — выйти в отставку и уехать с семьёй в своё южнорусское имение Ратманово — в очередной раз не исполнилось. Неделю назад фельдъегерь привёз от государя пакет с приказом о назначении генерал-майора Черкасского командиром лейб-гвардии Гусарского полка. Приказы не обсуждаются, и, ответив императору благодарственным письмом, Алексей засобирался в Петербург. Дав жене неделю на сборы, он наслаждался последними днями в компании многочисленных домочадцев: трёх сестёр, двух зятьёв, тётушки Апраксиной, детей и племянников. Со своего места во главе стола Алексей любовался прекрасным лицом своей княгини, сидевшей напротив, и прислушивался к разговору зятьёв: Александра Василевского и Михаила Печерского, споривших об освобождении крестьян.

— Сильных духом и умных, способных устроить жизнь своей семьи вне села среди мужиков немного. Такие все наперечёт и уже давно отпущены на оброк. Им смело можно давать волю, и они будут процветать. Но остальные способны жить только на земле, освобождать их без надела — значит, оставить без куска хлеба. Сейчас помещик даёт им землю, спасает во время неурожаев, отвечает за их жизнь и здоровье, — горячился Михаил. — А что им делать без этой опеки?

— Нужно всех освобождать, хотят — пусть уходят, не хотят — пусть остаются, — не соглашался Александр. — Я уже так и сделал в своём Добром — ушли единицы. Все остальные остались и так же работают на моих полях, только получают за это плату. Я и раньше давал всем зерно, сено и молодняк, а теперь плачу этим же за работу, только не общине, как раньше, а разбираю, кто сколько сделал. Сразу появились старательные и хваткие, они богатеют на глазах, а лодыри и пьяницы пусть им завидуют.

В их спор Алексей не вмешивался, вопрос был болезненным и не имел готового ответа. Сокрушив Наполеона, император Александр наконец-то смог вернуться к мечтам своей либеральной юности. Он захотел дать крестьянам свободу, но, кроме молодых офицеров, побывавших с армией за границей, его желания не разделял никто. Дворянство стояло насмерть, заявляя, что этот шаг приведёт к голодным бунтам и погубит Россию. Государя беспощадно осуждала и узколобая провинция, и обе столицы. Для Алексея не было секретом, что друг его детства, тот, кого ещё год назад с восторгом именовали Александром

Благословенным, теперь метался от идеи к идее, пытаясь найти выход, и всё сильнее увязал в трясине противодействия и неудач.

Сам Черкасский поступал так же, как и его зять Михаил: всех сильных и хватких мужиков он давно отпустил на оброк. Каждому, кто приходил с просьбой о выкупе семьи, князь давал вольную, не спрашивая денег. В качестве платы брал с вольноотпущенников обещание хранить договор в секрете, чтобы не смущать иных — не способных прокормиться самостоятельно.

Алексей взгляделся в лица близких. Сёстры Лиза и Элен внимали спору своих мужей, Катя что-то говорила тётушке Апраксиной, и лишь сидевшая рядом с ним Ольга казалась непривычно тихой. Что с ней такое? Глаза опущены, сидит молчком, да и за ужином так ничего и не съела.

— Холли, что-то случилось? — спросил Алексей. — Что тебя мучает?

Ольга подняла глаза, закусила губу, как будто на что-то решаясь, а потом прошептала:

— Алекс, мне нужно с тобой поговорить.

— Что-то срочное?

— Нет, просто нужно — и все...

— Хорошо! Ужин уже закончен, когда все пойдут в гостиную, приходи в мой кабинет, там и побеседуем.

Ольга горестно вздохнула:

— Мне и Катя нужна, я хочу говорить с вами обоими.

— Так серьёзно? Катя нужна тебе, чтобы защититься от меня?

— Нет, просто в этом деле нужны вы оба, — упёрлась сестра.

— Хорошо, — сдался Алексей, — мы позовем и Катю. Я теперь места себе не найду, пока ты не скажешь, в чём дело.

Хозяйка дома поднялась из-за стола, приглашая всех в гостиную. Алексей подошёл к жене, что-то шепнул ей на ухо и, вернувшись к Ольге, повёл сестру в кабинет. Эту уютную комнату князь сохранил такой же, какой она была при жизни их отца. Только теперь напротив большого портрета мачехи Алексея, стоявшей в окружении четырёх дочек на фоне пышных цветников Марфина, висел и портрет Кати, написанный лучшим английским художником Лоуренсом. В простом белом платье с каштановой косой, дважды обёрнутой вокруг головы, Катя сидела на диване в гостиной лондонского дома вместе с детьми: шестимесячной дочкой и четырёхлетним сыном. Художник уловил трогательную сущность своей модели, которую так обожал её муж. Лоуренс написал милую девушку из русской усадьбы, встреченную Черкасским студёным зимним вечером накануне войны. С привычным умилением Алексей взглянул на портрет и прошёл к своему столу.

— Садись пока, сейчас и Катя придёт, — предложил он сестре. — Будешь ждать или скажешь, что случилось?

— Я подожду... — Ольга трусливо оттягивала неизбежное.

Она села в кресло напротив брата и приготовилась ждать. Но через мгновение лёгкий стук в дверь возвестил о приходе хозяйки дома.

— Это я, — сообщила Катя, — вы хотели меня видеть?

— Да, милая! Сестра озадачила меня, сказав, что хочет говорить с нами обоими, — объяснил ей муж и повернулся к Ольге: — Ну, мы оба здесь. Говори...

— Я должна рассказать вам о том, что случилось два года назад в Ратманове, когда я оставалась там одна с тётушкой Опекушиной.

Алексей побледнел и вскочил с места.

— Это связано с тем падением, о котором написала нам тётка?

— И да, и нет. Я хочу рассказать вам о человеке, с которым была на прогулке в тот день, когда упала, — о племяннике барона Тальзита. Крёстный сам представил мне своего наследника. Вышло так, что этот человек мне очень понравился, я даже полюбила его и люблю до сих пор.

— Ну, Холли, разве можно так пугать! — отмахнулся брат. — Это — первая любовь, тебе было лишь пятнадцать, ты вырастешь, выйдешь в свет и встретишь достойного человека. Первая любовь всегда проходит.

— А у Кати прошла? — напомнила Ольга.

— Кате было на два года больше, чем тебе, а это — огромная разница. Пойми, взрослый мужчина не посмотрит на ребёнка. Девушка должна хотя бы подойти к порогу женственности, чтобы понравиться мужчине. Понятно, что тот человек не принял твои чувства всерьёз. Возможно, если вы встретитесь сейчас, всё будет иначе.

— Ничего уже не изменится, — тихо сказала Ольга. — Он был готов сделать предложение, но, когда узнал, что я — твоя сестра, взял свои слова обратно.

— Как?.. — не понял Алексей. — Что всё это значит?.. Кто он?

— Его зовут Сергей Курский, — безнадежно призналась Ольга и заплакала.

Катя, до этого молча стоявшая у стола, кинулась к золовке и обняла её.

— Не плачь, дорогая, всё устроится! Твой брат поговорит с князем Сергеем и уладит это дело.

— О чём я должен с ним говорить?! — взорвался Алексей. — О том, что этот человек собирался условиться с моей пятнадцатилетней сестрой о будущем супружестве, не поставив меня в известность? Да я должен вызвать его на дуэль!

— Пожалуйста, не нужно, Сергей не виноват! — вскричала Ольга, слёзы ручьём бежали по её щекам. — Князь не стал бы даже заикаться об этом, но я испугалась, что он уедет и не узнает о моих чувствах. Я сама призналась, что люблю его.

— Час от часу не легче! — поразился Алексей. — И что было потом?

— Ничего... — всхлипывала Ольга. — Он был готов сделать предложение и осведомился, у кого просить моей руки. Крёстный, представляя тётушку Опекушину, назвал меня её племянницей, а моей фамилии не произнёс. Сергей не знал, что я Черкасская. Поэтому, когда я объяснила, что ты — мой опекун, князь был потрясён, а потом признался, что он — тот человек, которого ты меньше всего хотел бы видеть среди своей родни, и сразу же уехал...

— Ну, в этом Курский был прав! Хорошо, что он сам всё понял и оставил тебя в покое.

— Но я люблю его! Два года прошло, а мои чувства всё те же, мне никто, кроме него, не нужен!

Алексей в растерянности глянул на жену, та оставила Ольгу и подошла к нему.

— Чего ты от неё хочешь? — тихо спросила Катя.

— Чтобы выбросила Курского из головы!

— Но это невозможно, нельзя требовать от человека того, что свыше его сил. Она не сможет перестать любить по твоему приказу.

— И что же мне теперь делать? — поинтересовался Алексей.

— Ты должен поговорить с Курским, спросить о его чувствах. Пока Ольга уверена, что их любовь была взаимной, она не посмотрит ни на кого другого.

— Господи! Ну почему я должен это делать?! Давай оставим всё как есть!

— Ты — её брат и опекун, — твёрдо сказала Катя, — если ты не хочешь это делать, я поговорю с князем Сергеем сама!

Гневная гримаса, исказившая лицо её мужа не оставила сомнений в его чувствах.

— Нет уж, уволь, я сам как-нибудь справлюсь с делами своей семьи.

— Вот и прекрасно, а сейчас пообещай это Ольге!

С видом узревшего красную тряпку быка Алексей тяжело вздохнул, но всё-таки сказал:

— Холли, я поговорю с Курским. Если он разделяет твои чувства, я не буду стоять на вашем пути.

— Правда?.. — сквозь слёзы спросила княжна.

— Я обещаю! По-моему, я ещё ни разу тебя не обманул, — рассердился Черкасский и, уже не сдержавшись, крикнул: — Идите обе, оставьте меня одного!

Поняв, что сейчас лучше отступить, Катя обняла золовку и повела к двери. Алексей остался один. Он взял из витрины самую большую из отцовских трубок, нашёл в шкатулке табак и закурил. Признание сестры выбило князя из колеи. Он до сих пор так и не смог изжить постыдное ревнивое чувство к красавцу-дипломату, за которого Катя чуть было не вышла замуж. Умом Алексей всё понимал и верил жене, объяснившей, что она считала князя Сергея лишь другом, но чувства не ладили с разумом. Ревность шептала, что жена всё-таки нашла другого мужчину, способного его заменить.

«Да, ревность — плохой советчик, — размышлял Алексей, — но как от неё избавиться? Мы все — образованные светские люди, а чувствуем то же, что и бедняга-матрос, вернувшийся из плавания и узнавший, что его подруга ушла к боцману».

Впрочем, собственные чувства могли и подождать, ведь решалась судьба младшей сестры. Ольга всегда была в семье любимицей, её лелеяли и баловали, а теперь старший брат собирался лишить её самой заветной мечты. Но князь не считал Ольгу взрослой, он предполагал, что дитя поплачет и забудет, так что незачем осложнять жизнь всей семье из-за глупого ребячества.

Алексей, конечно же, дал слово, но он возвращался в Петербург, а Курский жил в Лондоне, и неизвестно, сколько времени пройдёт, прежде чем они встретятся. А пока хорошо бы найти сестре занятие... Фрейлина! Это почётная, но нелёгкая служба. Самое время сделать Холли фрейлиной!

Нащупав выход из положения, Алексей повеселел. Императрица-мать слишком властна и деятельна, чтобы отдавать сестру в её власть. Оставалась лишь Елизавета Алексеевна. Решив поговорить с императрицей и попросить самого Александра Павловича о месте фрейлины для сестры, Алексей выбил трубку и отправился в спальню, где собирался ещё раз поговорить с женой.

Катя лежала в постели. Два светлых, как серебро, глаза в игольчатой раме угольно-чёрных ресниц пристально уставились на мужа. Похоже, что увиденное княгиню не устроило, и она вновь завела прежний разговор:

— Бедная Ольга просто в отчаянии!.. Она не хочет ехать с нами в столицу, просит оставить её с Лизой.

Алексей хмыкнул:

— Пусть остаётся! В Москве с Курским она точно не встретится.

— Но ты при случае поговоришь с князем Сергеем?

— Поговорю, но пока эта встреча в обозримом будущем не планируется, я решил сделать

Ольгу фрейлиной. Императрица Елизавета Алексеевна — чудесная женщина, я уверен, что она тепло отнесётся к сестре и возьмётся её опекать.

— Фрейлина императрицы? Большая честь для девушки! — оценила Катя, но муж уловил в её голосе нотки сомнения.

— Вот именно — большая честь для девушки и для её семьи! — твёрдо выдержав взгляд жены, подтвердил Черкасский. — К тому же Ольга увидит всех лучших женихов страны, возможно, она передумает и не будет искать встреч с Курским.

— Ну, на это надеяться не стоит, твоя сестра — человек верный и цельный, да и чувство у неё сильное.

— Ты тоже — цельный и верный человек, и чувства у тебя сильные, но ведь ты забыла меня, когда собралась замуж за того же Курского, — не удержался Алексей.

— Я тысячу раз тебе всё объясняла! — обиделась Катя. — Моя любовь принадлежала тебе, а Сергей был лишь другом...

Обида так явно читалась на лице жены, что Алексей сразу же сдался:

— Ну, хорошо! Виноват. Прости, ревность мучает. Разумом всё понимаю, а с сердцем справиться не могу.

Вздохнув, Катя попросила:

— Не омрачай нашу жизнь чёрными мыслями.

— Я постараюсь, — пообещал ей Алексей, ложась рядом, — только ты напоминай почаще, что принадлежишь лишь мне.

— Только тебе!..

Катя хотела ещё что-то добавить, но рука Алексея легла на её грудь, а его твердые губы запечатали ей рот. Зачем слова, когда двое любят? Всё остальное могло подождать до завтра. Пусть же последняя ночь в Москве окажется счастливой.

Москва ещё радовала глаз трепещущим золотом листвы, а в Петербурге ледяной дождь поливал чёрные скелеты облетевших веток. Алексей, легкомысленно не надевший шинель, в дороге изрядно продрог, но пока лакей вёл его по анфиладам Зимнего дворца до кабинета императора, Черкасский согрелся, приободрился и стал поглядывать по сторонам в надежде увидеть старых знакомых и друзей. В приёмной государя сегодня было на удивление пусто. Дежурный флигель-адъютант сообщил, что к императору с докладом прибыл граф Аракчеев.

«Понятно, почему все разбежались, никто не хочет лишний раз встречаться с этим упырём», — сообразил Алексей.

Аракчеева при дворе не любили, а если называть вещи своими именами, то просто ненавидели. Вся царская родня, включая обеих императриц и многочисленных великих князей, на дух не переносила военного министра. Впрочем, опасаясь подлого нрава и абсолютной беспощадности Аракчеева, все его недоброжелатели предпочитали помалкивать.

Неотесанный сын мелкопоместного дворянчика из Новгородской губернии покорила императора своей безграничной, не рассуждающей, собачьей преданностью. Выполняя хозяйские поручения, Аракчеев не щадил ни себя, ни тех, кто попадался на его пути. Запугивая, наказывая и унижая всех и вся, военный министр добивался беспрекословного выполнения монаршей воли, а к самому государю выказывал восторженное раболепие. Глядя на деревенские повадки «обезьяны в мундире», при дворе сначала потешались. Но вскоре изумлённые царедворцы обнаружили, что либеральный, европейски воспитанный Александр Павлович не только не брезгает «дуболомом» Аракчеевым, но и всячески поощряет его. Общество призадумалось, а потом сделало выводы. Теперь все заискивали перед военным

министром, а самым верным средством решить нужное дело считался подарок, направленный его любовнице — крестьянке Минкиной.

Алексей Черкасский — светлейший князь и друг детства императора — в помощи Аракчеева не нуждался, но, зная, что временщик считает конкурентами всех, к кому государь проявил хоть малейшую благосклонность, старался избегать военного министра. Сейчас Алексей отошёл подальше от двери кабинета и встал в нише окна, надеясь, что Аракчеев пройдёт мимо и с ним не придётся беседовать. Но этим надеждам не суждено было сбыться: через четверть часа военный министр вышел из кабинета и, увидев стоящего у окна Алексея, сразу же направился к нему.

— Князь, как приятно снова видеть вас во дворце! — бодро отрапортовал Аракчеев. — У его императорского величества так много планов насчёт армии! Все хорошие командиры — на вес золота, а таких, как вы, — вообще единицы!

Слишком много комплиментов... С чего бы это? Надо держать ухо востро! Алексей ответил сугубо официально:

— Благодарю, ваше высокопревосходительство, я очень признателен государю за новое назначение.

— Кому, как не вам?! Ваши заслуги неоценимы! — расплылся в улыбке Аракчеев (похоже, намекал и на своё участие в этом судьбоносном решении). К счастью для Алексея, флигель-адъютант прервал неприятный разговор, пригласив Черкасского в кабинет.

— Алексей! Рад тебя видеть! — воскликнул государь. — Как твоя княгиня?.. Как сёстры?..

Вот и подвернулся удобный случай, и Черкасский поспешил им воспользоваться:

— Благодарю, ваше императорское величество, всё хорошо. Вы изволили вспомнить о моих сёстрах. Младшей из них, Ольге, скоро исполнится восемнадцать, и я нижайше прошу о милости — принять её фрейлиной к императрице Елизавете Алексеевне.

Александр Павлович с пониманием кивнул.

— Конечно, я буду рад, но советую тебе самому поговорить с Элизой.

Как просто всё решилось! С домашними проблемами было покончено, и Алексей с радостью выкинул их из головы. Теперь его волновало главное — новое назначение. В стране затевалась военная реформа, и Черкасский хотел понять, какие задачи в его Гусарском полку император считает первоочередными. Александр Павлович объяснил:

— Я решил, что гусаров нынешняя реформа не коснётся, для гвардии военные поселения не предусмотрены, так что твоя задача — боеспособность. Вспомнишь весь свой богатый опыт. Сделаешь из полка образчик современной лёгкой кавалерии, такой, чтобы Наполеон на острове Святой Елены съел от зависти свою треуголку. Я оставляю за собой гвардейские полки и столичный гарнизон, а всех остальных перевожу в военные поселения.

«Понятно, что делал здесь Аракчеев, — расстроился Черкасский, — военные поселения — самое жуткое и утопичное из того, о чём говорилось в последнее время».

Как будто подслушав его мысли, император сказал:

— Ты думаешь, я не понимаю, что из моих солдат не получится дельных хлебопашцев, а ратные навыки они растеряют? Я всё понимаю, но должен либо содержать восьмисоттысячную армию, либо думать об освобождении крестьян. Те полки, которые будут сами себя кормить, сэкономят казне огромные средства, и я смогу выкупить землю для освобождаемых крепостных. Ты сам-то как поступаешь со своими крестьянами?

Черкасский рассказал о своём решении, и император его похвалил. Александр Павлович

ещё немного поговорил с Черкасским о гусаках, а потом отпустил его, посоветовав прямо сейчас и повидаться с Елизаветой Алексеевной.

На половине императрицы Черкасского встретила невзрачная фрейлина в светло-сером платье.

— Что вам угодно, сударь? — осведомилась она, окинув визитёра суровым взглядом.

«До чего же неприятна, — оценил Алексей, — мало того, что некрасива, да ещё и смотрит, как тюремщик».

Дама ждала ответа, и он представился:

— Светлейший князь Черкасский. Я пришёл сюда сразу после аудиенции у государя, его величество посоветовал мне немедленно повидать императрицу.

Услышав титул гостя, дама тут же заулыбалась, а голос её сделался ележным.

— Ваша светлость, извольте обождать, я сейчас доложу.

Она бросила на Черкасского нежный взгляд и скрылась за дверью.

«Откуда она? — изумился Алексей. — У неё повадки трактирной подавальщицы. Может, не стоит присылать сюда Холли?»

Но менять решение было уже поздно. Дверь распахнулась — и в приёмной появилась сама Елизавета Алексеевна.

— Алексей, как я рада вас снова видеть! — воскликнула она, протягивая князю обе руки, — проходите скорей, расскажите, где вы пропадали всё это время.

Черкасский с грустью отметил, что красота императрицы стала ещё воздушнее: Елизавета Алексеевна похудела, и черты её прекрасного лица сделались совсем тонкими. Теперь государыня, как никогда, походила на ангела, случайно забытого на Земле. Придворные давно шептались, что Елизавета Алексеевна тает от сердечной боли. Похоже, так оно и есть! Стараясь не выказать ни удивления, ни печали, Черкасский сел в предложенное императрицей кресло, рассказал о себе и своих домашних, а потом объяснил, зачем пришёл:

— Ваше императорское величество, государь милостиво пообещал место фрейлины для самой младшей из моих сестёр и предложил самому попросить вас оставить княжну Ольгу при вашей особе.

— Конечно, я буду рада такой фрейлине. Я много пишу и люблю книги, мне нужна чтица. Княжна Ольга прекрасно справится с такими обязанностями, — сразу всё поняла Елизавета Алексеевна и пообещала: — Я буду опекать вашу сестру и помогу ей сделать хорошую партию.

А вот это уже было лишним: упорствуя в своих заблуждениях, Холли всё равно ни на кого глядеть не станет и может по глупости обидеть государыню. Впрочем, почему бы заранее не предупредить императрицу о невозможности брачных планов для княжны Черкасской? В этом случае даже не придётся лгать, можно сказать лишь часть правды. Два года назад сестра упала с лошади, и тётка тогда написала, что доктор недвусмысленно заявил о травме женских органов. Надо использовать это ради блага самой Ольги.

— Благодарю, ваше императорское величество, — произнёс Алексей: — Однако вынужден предупредить вас, что два года тому назад моя сестра упала с коня, и тогда доктор сказал, что она, вероятно, останется бездетной. Может статься, почётная обязанность служить вам окажется главной целью в жизни княжны Ольги.

— Бедная девочка, — вздохнула императрица. — Но доктор же не поставил окончательного диагноза?

— Нет, он говорил о возможных последствиях.

— Давайте надеяться на лучшее, и тогда у княжны всё будет хорошо. Привозите девушку дней через десять. Две мои фрейлины выходят замуж и покидают дворец, их места освобождаются.

Алексей поблагодарил и откланялся. Толкнув дверь, он вдруг обнаружил, что давешняя фрейлина-дурнушка как будто бы отскочила в сторону.

«Неужто за Елизаветой Алексеевной шпионят? — задумался Черкасский. — А если и так, то кто приставил соглядатаев?.. Вдовствующая императрица?.. Это возможно: Мария Фёдоровна ненавидит невестку».

Пообещав себе ещё до представления сестры ко двору разобраться, для кого шпионит подозрительная фрейлина, Алексей покинул Зимний дворец.

Глава третья

Камер-фрейлина Сикорская

Наконец-то в Зимнем дворце затопили печи. Фрейлинские комнаты на антресолях прогревали за счёт вытяжных труб, но тепла вполне хватало, и согревшаяся Сикорская даже сбросила с плеч тёплый деревенский платок. Пора было ложиться спать, но она ещё не знала, чем закончить очередной отчёт для Аракчеева. Её задача казалась простой — сообщать всё о Елизавете Алексеевне, но на деле писать было нечего. Императрица не только слыла, но и впрямь была безупречной. Она занималась благотворительностью, переписывалась с матерью и читала. И все! Сикорская всеми правдами и неправдами пыталась выудить из пресной жизни государыни хоть какие-то новости. Но камер-фрейлине приходилось довольствоваться всякими мелочами: «получена депеша от такого-то... государыня отказалась от ужина...»

Сегодня это вдруг показалось невыносимым. Что ей теперь — всю оставшуюся жизнь высасывать из пальца всякую чушь?! Наталья положила перо и задумалась. Дела её складывались отнюдь не так, как прежде мечталось. Когда после стольких мытарств и унижений она наконец-то попала во дворец, Сикорская надеялась, что ещё чуть-чуть — и судьба преподнесёт новоявленной камер-фрейлине свой главный подарок в лице богатого и титулованного мужа. Но прошёл год, катился к закату второй, а мужа даже не предвиделось. Все достижения Натальи сводились к маленькой комнатке, скудному гардеробу (совсем позорному на фоне роскошных платьев других фрейлин) и бесконечным отчётам Аракчееву.

Алексей Андреевич приходился Сикорской кузеном. Мать Натальи была самой младшей из сестёр Ветлицких. Семья хоть и дворянская, но из захудалых, да и отсутствие приданого очень сузило круг желающих взять этих девиц в жёны. Когда старшая из сестёр, Елизавета Андреевна, вышла замуж за бедного, имевшего всего двадцать душ, помещика Аракчеева, в семье это сочли большой удачей. Больше никому из сестёр так не повезло, и Прасковья Ветлицкой пришлось довольствоваться отставным прапорщиком Дибичем, вышедшим в отставку по ранению. Молодожёны уехали на родину мужа в Лифляндию и с тех пор еле сводили концы с концами.

Все надежды Прасковья возлагала на единственного сына, а трёх дочерей считала обузой. Девчонок она держала жёстко, утверждая, что чем больше те будут работать по дому, тем лучше потом смогут вести хозяйство в семье мужа. Прислуги у Дибичей отродясь не было, и дочери трудились день и ночь, только что в поле не ходили. Наталья часто спрашивала себя, в какие семьи мать собиралась отдать их замуж, пока не догадалась, что Прасковья о судьбе дочерей вовсе не думает.

Впрочем, самой Наталье судьба всё-таки помогла — дала шанс выбиться в люди: в трёх верстах от их дома купила имение богатая вдова Валентинович. У этой добродушной и слезливой толстухи росли две дочки. Вдова приглашала иногда бедную соседку поиграть со своими девочками. Тогда Наталья приходила в большой, полный слуг дом, наедалась досыта и даже получала в подарок старое платье, а то и шляпку или шаль. Обе девочки Валентинович выросли донельзя избалованными красавицами, и, хоть сердце у обеих было доброе, они, не отдавая себе отчёта, обращались к Наталье снисходительно. Барышни жалели бедную, плохо одетую, да к тому же некрасивую подругу, оскорбляя этим Наталью до

глубины души. Белокурым куклам с точёными носиками и прелестными голубыми глазками просто не дано было понять, что чувствует девушка, видя в зеркале скуластое лицо с носом картошкой, грубым мужским ртом и тусклыми серо-зелёными глазами. Красавиц-сестёр вместе с их щедрой матушкой Наталья ненавидела до дрожи, но каждый день бежала в поместье, даже если её там и не ждали. Ведь эти визиты давали бедной замарашке надежду вырваться из беспросветной нищеты.

Когда умер отец, Наталье уже исполнилось двадцать три. Единственный братец — свет материнских очей — сразу же сбежал в Вильно и, женившись на купеческой дочке, больше не вспоминал о брошенных в деревне родных. Тогда в доме закончились деньги и семья начала голодать. Наталья поняла, что нужно уносить ноги, и напросилась к Валентиновичам помогать с шитьём приданого к свадьбе старшей из дочерей. Голубоглазая барышня выходила замуж за промотавшегося, но красивого польского графа.

Наталью поселили в узкой комнатенке под крышей, где она весь день подрубала салфетки и простыни, собранные мадам Валентинович в приданое. Гости уже начали съезжаться на свадьбу, и Наталья приглядывалась к ним, выбирая свою возможную жертву. Взрослые мужчины — друзья жениха — были ей не по зубам, но семнадцатилетний кузен сестёр Валентинович, приехавший на свадьбу из Митавы, мог, пожалуй, и попасться на крючок. Наталья очень рассчитывала на его почти детскую наивность.

Она старалась быть с юношей поласковее: заводила разговоры, подавала чай, угощала пирожными, добытыми на кухне. Станислав, безмерно робевший в обществе гостей-офицеров, быстро привык к «доброй» приживалке и стал ей доверять. Накануне свадьбы друзья жениха устроили во флигеле мальчишник, где напоили беднягу Станислава «до поросычьего визга». Тот, шатаясь, вывалился во двор и, пройдя с десятков шагов, упал на землю, не в силах подняться. Когда чьи-то руки натужно потащили его, юноша в последний раз открыл глаза и ещё успел узнать скуластое лицо и толстый нос, больше он ничего не помнил. Тем страшнее оказалось для него пробуждение: стоя в ногах постели, разгневанная тётка вопила на весь дом. Мадам Валентинович кричала, что племянник опозорил её седины и испортил свадьбу. Бедный Станислав всё никак не мог понять, в чём же он провинился, пока не увидел сидящую на полу безутешную Наталью в разорванном платье и яркие пятна крови на собственных панталонах. Испачканная простыня стала для мадам Валентинович последним аргументом.

Почтенная дама не собиралась порочить доброе имя своей семьи, и сразу же после венчания её дочери с красавцем-графом ксёндз потихоньку, в присутствии лишь управляющего поместьем и домоправительницы, обвенчал Станислава Сикорского с Натальей Дибич. Первые молодожёны пировали вместе с тремя сотнями гостей в большом доме, а вторых усадили в двуколку и отправили в Митаву к родителям жениха.

Сказать, что Наталье Сикорской в доме её мужа не обрадовались — значит, не сказать ничего. Свёкор со свекровью с ней не разговаривали, они не смягчились даже после рождения внука — Бронислава, да и от молодого мужа толку не было. Он сразу же отдалился от Натальи, начал пить и пропадать из дома. Это должно было плохо кончиться, и когда тело Станислава, утонувшего по пьянке в озере, привезли домой, Наталья не удивилась и не опечалилась. По крайней мере, за всё время семейной жизни она ни разу не голодала, а самое главное, мадам Сикорская сумела вырваться из-под гнёта своей жестокой матери.

С условием, что вдова оставит Бронислава и уедет, свёкор предложил Наталье немного денег. Сикорская, не задумываясь, согласилась и на следующий же день уехала

в Новгородскую губернию, в маленькое имение на берегу озера, где скромно проживала её тётка — мать так стремительно вознёсшегося военного министра Аракчеева.

Елизавета Андреевна встретила племянницу радушно. Расспросив Наталью о матери, Аракчеева сочувственно вздохнула, но радостный блеск, мелькнувший в её глазах, выдал тайное злорадство. Сикорская тётку не осуждала, она ведь понимала, что её мать в жизни ни у кого не вызвала тёплого чувства. Впрочем, скоро выяснилось, что скверный характер у сестёр Ветлицких — черта семейная: тётка оказалась не лучше матери. Такая же жестокая и эгоистичная, Аракчеева отличалась ещё и безмерным чванством. Кичась положением, добытым для семьи сыном-министром, она возомнила себя важной барыней, а племянницу определила на роль бесплатной служанки. Но Сикорская не роптала: покорно сносила и тёткины причуды, и её дурное настроение, не говоря уже о грубости. Наталья лишь умоляла старуху сделать божескую милость и попросить Алексея Андреевича о месте фрейлины при дворе.

— Да как же ты сможешь там жить? — отмахивалась Аракчеева. — Ты языков не знаешь, политесу не обучена, тебя засмеют, опозоришь нашу семью.

— Я по-французски говорю, у Валентиновичей научилась, там же и манеры усвоила, — упорствовала Наталья. — Христом Богом клянусь, я уж отслужу и братцу Алексею, и вам! Все его и ваши поручения выполнять буду.

Хитрая старуха смекнула, что иметь глаза и уши в доме сына будет совсем нелишним, но признаваться, что у неё не хватает влияния, не спешила. Аракчеева долго увиливала от ответа, но однажды (взвесив будущие выгоды) сказала:

— Ко двору ты можешь попасть лишь одним путем: если поедешь в Грузино и поклонись в ноги Минкиной. Если эта дрянь за тебя словечко замолвит, мой сын ей не откажет. Я тебе лошадь дам, к вечеру на месте будешь. Письмо Алексею я напишу, а уж как ты с этой тварью договоришься — решай сама, тут я тебе не помощница.

Обрадованная Наталья облобызала тёткину руку и бросилась собираться. Спрятав на груди драгоценное письмо, она села наконец в тряскую кибитку и к вечеру того же дня добралась до Грузина.

Показушник Аракчеев начал военную реформу с собственного имения и объявил Грузино образцовым военным поселением. Увиденное здесь и впрямь поражало: ряды одинаковых, словно горошины, домов выстроились по линейке вокруг широкого плаца. Подстриженные под шары деревца казались близнецами. Эта военная деревня удивляла порядком, чистотой и... жуткой, почти могильной тишиной. Птицы не пели, собаки не лаяли, коровы не мычали, да и люди как будто вымерли.

«Что за чудо такое? — испугалась Сикорская. — Не зря тётка утверждала, будто её сынок сильно крут. Видать, все его так боятся, раз попрятались».

Кибитка прогромыхала по булыжной дороге и покатила через двор — напрямик к громадному дворцу с мраморным портиком о восьми колоннах. Напротив (через двор) стоял новый двухэтажный дом.

«Здесь Минкина и живёт. Пока графа в поместье нет, она всем тут заправляет», — вспомнила Наталья рассказ тётки.

Аракчеева много и с нескрываемой яростью говорила о «змее» и проклинала тот день, когда её несчастный сын купил у разорившегося соседа имение со всей дворней, среди которой оказались и кучер Минкин с молодой женой Настасьей. Тётка утверждала, что в «змее» текла цыганская кровь, поскольку Минкина оказалась чернява, смугла, а в постели

до того горяча, что дворовые мужики, коих она перепробовала всех до единого, с ума сходили по этой деревенской Клеопатре. Аракчеев, слывший мужчиной с большими потребностями, конечно же, не пропустил знойную красотку и допустил её до своего ложа. Тут уж Настасья постаралась, ублажила барина, как в раю, только никто разомлевшего министра не предупредил, что его новая наложница умна и хитра, а когда тот это понял, жить без Настасьюшки уже не мог.

Сёстры Ветлицкие, все как одна, были некрасивы и свою грубую, топорную внешность передали детям. Глядя на портрет графа Аракчеева, Сикорская с сожалением убедилась в своём с ним семейном сходстве. Она-то прекрасно понимала, что пережил почти уродливый, по светским меркам, братец, когда красавица Настасья стала перед ним преклоняться. Хитрая крестьянка задела самое глубинное — оскорблённое самолюбие бедного некрасивого человека, пробивавшегося в жизни через такую грязь, что богатеньким красавцам и не снилась.

Тётка рассказывала, как по ночам Минкина ложилась спать на подстилке под дверь, охраняя покой и сон Аракчеева. Хитрая наложница ловила каждый его взгляд и, если видела хоть малейшее недовольство, заливалась слезами, а потом часами, стоя на коленях, вымаливала прощение. Но самым главным оказалось то, как она относилась к своему любовнику: с рабским почитанием. Она стелилась перед Аракчевым так же, как тот перед своим венценосным хозяином.

«Бедный братец! Ползать на брюхе — занятие не слишком приятное, — часто думала Наталья, — а если перед тобой самим никто не ползает, то и совсем невыносимое. Этак затоскуешь, да и вообще с ума сойдёшь. Но когда такая вот Минкина трепещет перед властелином, присесть не смеет в его присутствии, спит под дверь — тут уж совсем другое дело. При таком раскладе уязвлённая душа поправится, вздохнет с облегчением: не только её сапогом в морду тычут, но и она в своём праве изгаляться».

Наталья велела кучеру ехать к дому метрессы. Кибитка остановилась у крыльца. Неизвестно откуда выбежали молчаливые дворовые, открыли дверцу, помогли гостье спуститься, а мажордом в расшитой золотом ливрее осведомился, что доложить барыне.

— Хозяйская кухня Сикорская прибыла с письмом от матушки Алексея Андреевича, — сообщила Наталья.

Её проводили в дом и попросили подождать в большой гостиной. Такой роскоши Наталья прежде не видела. Мебель блестела позолотой и переливалась алым шёлком, на мраморном столе красовалась неподъёмная — размером с овцу — оправленная в серебро богемская ваза, а на противоположных стенах комнаты в одинаковых пышных рамах висели два портрета. Графа Аракчеева, изображённого в чёрном мундире, Сикорская узнала сразу, а со второго полотна зазывно улыбалась знойная брюнетка. Крупные, как сливы, влажные глаза под дугами чёрных бровей, прямой нос и маленький рот с пухлой нижней губой скорее подошли бы древней римлянке. Это, как видно, понимала и сама женщина, поскольку (судя по причёске и костюму) изображала Венеру.

«Дал же Бог ведьме такую красоту, — подумала Наталья. — Одним — всё, а другим — ничего».

Привычная волна чёрной зависти зародилась в душе, начала закипать, но этого нельзя было допустить. Вдруг Минкина почувствует неискренность гостьи и откажется помогать?

Но как расположить к себе эту всеильную крестьянку?.. Наталья глубоко вздохнула, собрала волю в кулак и, наклеив на лицо сладкую улыбку, остановилась у портрета

черноглазой красотки. В коридоре послышалась тяжёлая поступь, дверь отворилась — и в комнату вплыла сильно располневшая невысокая женщина в белом шёлковом платье. Она просто утопала в алмазах: колье широким полумесяцем возлежало на пухлой груди, крупные серьги оттягивали мочки ушей, на каждой руке болталось по браслету, а все короткие пальцы покрывали перстни. Даже Сикорской, не знавшей толку в дамских нарядах, это показалось чересчур. Но, похоже, Минкина сама себе нравилась, раз лучезарно улыбнулась и сказала:

— Вы уж на портрет-то мой не смотрите, восемь лет прошло, как его сделали. Я постарела и теперь не та, что раньше.

— Вы не изменились, даже, по-моему, стали ещё красивее, — беззастенчиво солгала Сикорская, вглядываясь в одутловатое лицо бывшей Венеры.

— Ах, да что вы! — отмахнулась Минкина, но Наталья догадалась, что комплимент оценен. Графская метресса перешла к делу: — Мне сказали, что вы с весточкой от матушки его сиятельства прибыли?

— Да, я привезла письмо тётушки графу Алексею Андреевичу, — мягко подчеркнув своё родство с Аракчеевым, сообщила Наталья. — Когда он сюда пожалует?

— Ждем-с его сиятельство дней через десять, — сообщила Настасья. — Не угодно ли вам будет погостить?

— Конечно! Премного благодарна...

Наталья даже не подозревала насколько преуспееет. Её лесть оказалась золотым ключиком к сердцу Минкиной, а вторым помощником стала водка. Аракчеевская метресса пила беспробудно, а напившись, совокуплялась то с собственным кучером, то с лакеями, выбирая тех, кто поздоровее. Сикорская не уступала новой подруге ни в выпивке, ни в распутстве, чем заслужила её полное доверие.

Развеселая жизнь двух молодых закончилась, когда в Грузино прибыл Аракчеев. Всемогущий кузен принял Наталью лишь на следующий день после приезда. Почти сутки провела Сикорская в одиночестве. Минкина исчезла и в своём доме больше не появлялась, но, когда граф позвал, за Сикорской пришла сама. Метресса разительно переменялась. Тёмно-синее платье с белым воротничком подчёркивало «скромность» своей хозяйки. Волосы Минкиной прикрывал пышный чепец. Впрочем, этот наряд фаворитке явно шёл: в нём она казалась моложе и стройнее, а лицо в обрамлении белых кружев волшебным образом утратило одутловатость.

— Пойдём скорее, граф хочет тебя видеть, — сказала Минкина, схватив Наталью за руку. — Я уже за тебя словечко замолвила, теперь соглашайся на всё, чего он потребует: наш батюшка страсть как не любит, чтобы ему перечили или вопросы задавали.

Женщины перешли двор и поднялись на крыльцо грузинского дворца. Чувствовалось, что он построен совсем недавно: стены пестрели ярким штофом, на расписных потолках по голубому небу летали греческие богини и кувыркались амуры, да и вся обстановка — мебель красного дерева, ковры, гардины и люстры — была явно новой и, как поняла Сикорская, дорожкой.

«Вот уж братцу повезло, — с привычной завистью оценила Наталья, — надо же как — из грязи в князи! Сейчас бы двадцать душ крепостных на троих братьев делил, если б вовремя наследнику престола на глаза не попался».

Минкина ввела Наталью в большую комнату, где за огромным столом сидели двое: Аракчеев и растерянный подросток. Мальчика, которого Минкина с гордостью именовала дворянином Михаилом Шумским, гостья уже видела. Он был довольно миловиден, но

совсем не походил ни на жгучую брюнетку Настасью, ни на Аракчеева.

Наталья прошла вслед за Минкиной к столу. Метресса низко поклонилась Аракчееву и доложила:

— Вот, батюшка, ваше сиятельство! Привела родню вашу. Сестрица письмо от маменьки вам привезла.

— Здравствуйте, кузина, — любезно изрёк Аракчеев, указав гостье на стул. — Которая из моих тёток приходится вам матерью?

— Прасковья Ветлицкая, ваше сиятельство, в замужестве Дибич. Тётушка Елизавета Андреевна, когда я у неё гостила, была так добра, что дала мне рекомендательное письмо к вам.

Наталья протянула графу конверт и замолчала, скромно потупив глаза.

— Прочту после, — решил Аракчеев, откладывая конверт в сторону. — Давайте обедать, и вы мне сами расскажете, как и где жили и чего хотите теперь.

Сикорскую усадили за стол рядом с графом — напротив испуганного мальчика. По знаку Минкиной слуги начали разносить блюда, сама фаворитка скромно стояла у двери, всем своим видом изображая покорность и раболепие. С собачьей преданностью ловила она взгляды Аракчеева, но, на вкус Сикорской, явно перебарщивала. Впрочем, Аракчеев казался вполне довольным.

«Вот так и нужно к сильным мира сего подлизываться, — поняла Наталья, — льстить без меры да изображать ежеминутно преданность и раболепие. Если такая деревенщина, как Настасья, смогла устроиться, я — дворянка — должна достичь большего».

До каких высот она собирается взлететь, Сикорская пока не знала, главное — попасть ко двору.

— Расскажите о себе, кузина, — предложил Аракчеев, и Наталья заметила, как сидящий напротив мальчик явно повеселел, ведь его грозный отец перенёс своё внимание на кого-то другого.

— Наша семья жила в Лифляндии. Батюшка уже умер, а мама с двумя моими сёстрами до сих пор там живёт. Я была замужем, но мой супруг умер и мне пришлось вернуться на родину предков. Ваша драгоценная матушка приютила меня, она же посоветовала просить ваше сиятельство о милости — определить меня на место фрейлины при царском дворе.

— Но эта ваканция — лишь для девиц! Таков порядок, а вы уже были замужем.

— Я слышала, что при дворе имеются и другие возможности, — в отчаянии пролепетала Сикорская, вдруг осознавшая, что план её рушится. — Я хорошо шью, могу укладывать волосы. Может быть, камеристкой?

— Нужно подумать, — спокойно заметил Аракчеев, разрезая бифштекс. — Это будет стоить мне больших хлопот. Дамы — существа тонкие и донельзя суеверные, и обе императрицы не исключение: вдовы среди царской прислуги не в чести. Н-да, сложно будет, но, раз мы — родня, придётся мне постараться.

— Я отслужу! — уловив намёк, поклялась Сикорская. — Всё, что нужно вашему сиятельству или кому-то из родных, делать буду с радостью. Родня для меня — всё!

Аракчеев милостиво кивнул и вынес решение:

— Я рад, что вы так преданы семье. После обеда я напишу письмо матери, поезжайте к ней. Я дам денег, пусть вам сделают новый гардероб, а через месяц приезжайте в столицу — в мой дом на набережной Мойки. Там и поговорим.

Сообразив, что пора откланяться, Сикорская поднялась, льстиво отблагодарила хозяина

дома за проявленное к ней участие и отправилась собирать вещи. В дверях она заметила, как Минкина явственно подмигнула и тут же вновь скромно потупилась. Уезжала Наталья на заре, к задку её экипажа привязали большой сундук с подарками для Елизаветы Андреевны, а на дне баула самой Сикорской лежал отрез тёмно-синего бархата, подаренный на прощание Минкиной.

— Давай, подруга, приезжай в Петербург, там и встретимся, я ведь зимой в столице живу, — шептала Настасья, обнимая на прощанье Сикорскую. — А коли затоскуешь, сюда давай, я тебя повеселю.

— Спасибо за все! — впервые в жизни искренне поблагодарила кого-то Наталья. — Я обязательно приеду. Как всё с местом устроится, так и жди...

Но выполнить своё обещание Сикорская не смогла. Прибыв в столицу, она узнала от Аракчеева, что тот раздобыл для неё место камер-фрейлины с обязанностью надзирать за гардеробом императрицы Елизаветы Алексеевны и что взамен «дорогой кузине» придётся сообщать своему благодетелю мельчайшие подробности того, что происходит в покоях государыни.

Сопровождая Елизавету Алексеевну в больницы и богадельни, Наталья подслушивала разговоры, следила, с кем говорит императрица и кого отличает. Перебрав царские наряды, новая камер-фрейлина с удивлением обнаружила, что Елизавета Алексеевна очень скромна, подолгу носит одни и те же платья, а все положенные ей средства отдаёт на нужды неимущих. Наталью приставили следить за ангелом!

Сначала Сикорская думала, что «кузен» быстро потеряет к ней интерес и перестанет спрашивать доклады, но Аракчеев каждый вечер присылал к условленному часу своего человека и забирал Натальины писульки. Вот и сегодня до отправки донесения оставалось менее часа, а писать было нечего. Императрица приняла лишь одного человека — светлейшего князя Черкасского, да и то — визитёр пришел просить о месте фрейлины для своей сестры. Наталья вспомнила чеканную красоту лица гостя и его высокую фигуру. В гусарском мундире князь был изумительно хорош.

«Красавец и богач, ну и сестрица — небось очередная “принцесса”», — поняла Сикорская, чем окончательно испортила себе настроение. Она ненавидела молодых красоток до яростной дрожи в сердце.

Наталья вновь посмотрела на листок бумаги, где сиротливо темнели две строки, и быстро дописала, что её императорское величество встречалась со светлейшим князем Черкасским, присланным к ней государем. Князь просил за свою сестру, которую император изволил назначить фрейлиной. Поставив число и закорючку вместо подписи, Сикорская сложила лист и сунула его за корсаж. Сама не зная почему, Наталья решила, что разговор о том, будто новая фрейлина не сможет найти мужа из-за бесплодия, передавать Аракчееву не станет. На сей раз «любезный кузен» обойдётся: эти сведения нужно оставить в собственной копилке, вдруг это когда-нибудь пригодится. А бумага... Что ж, она ведь всё стерпит — и недомолвки, и обман, и даже мошенничество.

Глава четвёртая

Страхи и искушения

Пальцы механически скользили по бумаге, разглаживая её сгибы. Фрейлина Струдза не хотела перечитывать злополучное письмо. Зачем, когда и так всё ясно? Общие фразы, изящные обороты, любезность и... более ничего. Ни слова, ни намёка на чувство. Обиднее всего оказалась подпись: «Преданный вам граф Каподистрия». «Иоанна» для неё больше не было! Вот оно — подтверждение старой истины, что в жизни долг и счастье никогда не ходят рядом.

Фрейлина бросила письмо в ящик стола (никчемная бумажка, лучше бы оно и не приходило вовсе!) и задумалась. Был ли у неё шанс сохранить счастье? Ещё год назад Роксандра сказала бы, что это в её силах, более того, она знала, что так и случится, поскольку заслужила это счастье всей своей жизнью. Но в Вене всё рухнуло. В городе, где три армии праздновали триумф, Роксандра Струдза переживала горечь поражения.

«После того, что мы испытали вместе, это казалось таким пустяком. Я же вижу людей насквозь, как я могла допустить такой промах — забыть о мужском самолюбии?»

Ответ казался тривиальным — счастье разрушила гордыня. Зря Роксандра поверила, что стала хозяйкой своей судьбы... Господи, как же тяжело шла она к успеху! Сколько ума, хитрости, да и просто изворотливости это потребовало, скольких лет! Если бы Роксандра всё это использовала для собственного блага, она уже давно оказалась бы счастливой матерью десятка детей и женой самого блестящего дипломата Европы. Как несправедливо: вскарабкаться по отвесным скалам на величайшую вершину и... замерзнуть там среди блистающих льдов.

Роксандра не помнила тех лет, когда её семья жила в Константинополе. О роскошном дворце с видом на Босфор и баснословном богатстве девочка судила лишь по рассказам матери. Может, это и было правдой, но, скорее всего, являлось преувеличением — сказкой, особенно прекрасной на фоне российских мытарств. Как бы то ни было, но, когда семейству Струдза пришлось бежать, оставив всё имущество в Османской империи, вывезти с собой смогли так мало, что это сразу опустило бывших молдавских господарей на один уровень с обедневшими российскими дворянами. Отец сломался первым, матери хватило сил дать всем детям блестящее образование, но смерть младшей дочери и первенца-сына её добила. Вот и пришлось Роксандре стать главой семьи, без неё у сестры и, самое главное, у брата не было шансов выбиться в люди.

«Лишь ум и знания вывели меня на самый верх, с лица-то взять было нечего», — трезво признавала Роксандра.

Возможно, она перегибала палку — была к себе слишком строга, в конце концов греки дружно хвалили её гордый орлиный профиль и огненные глаза. Жаль только, что комплименты не приносят счастья.

«Женщине не стоит походить на орлицу, — мелькнула печальная мысль. — Иоанн практически в открытую сказал мне об этом».

Казалось, зачем мучить себя, вспоминая прошлое, но ведь нужно было принять самое главное решение в жизни. Сейчас важно понять, как вернуть счастье. Или теперь предстоит жить лишь умом?.. Когда же Роксандра ошиблась, решив, что ухватила за золотое перо птицу

счастья?

Места фрейлины Струдза добилась сама — шаг за шагом шла она от одной сиятельной дамы к другой, входила в доверие, становилась сначала нужной, а потом и необходимой. Умом и знаниями выслужила она нужные рекомендации и оказалась при дворе. К счастью, в то время императрица Елизавета Алексеевна искала утешения в вере, да и сам государь нуждался в духовной опоре. Вот тогда и пригодилась фрейлина Струдза: ни у кого не было таких познаний в христианских учениях, никто не знал так Священного Писания. Роксандра сделалась доверенным лицом царской четы и оказалась на вершине.

«Любил ли меня Иоанн хоть когда-нибудь? — спросила она себя. — Или только использовал?»

С главой российской дипломатии графом Каподистрией Роксандра познакомилась через свою родню — князей Ипсиланти. Четверо орлов-братьев были воинами и «учённость» Роксандры считали блажью, а вот с графом Иоанном она сразу же заговорила на одном языке. Они понимали друг друга с полуслова. Каподистрия оказался блестяще образованным человеком, но и Струдза ему не уступала, к тому же оба были в России чужаками. Когда Каподистрия заговорил о своей мечте освободить Грецию от турецкого ига, он нашёл в лице Роксандры преданного соратника. Для этого рыцаря она была готова на всё.

Бок о бок трудилась пара, шаг за шагом шла к своей святой цели, и неизвестно ещё кто оказался успешнее, склоняя умы российского общества к нужному мнению. Они оба взлетели на гребень успеха — Иоанн стал первым помощником императора в делах бурлившей Европы, а Роксандра заняла место незаменимого советчика Александра Павловича в его духовных исканиях. Два блестящих отпрыска Греции просто обязаны были соединить свои судьбы. Они оказались достойны друг друга, и, хотя виделись мало (Каподистрия следовал за императором в его поездках по Европе, а Роксандра оставалась с императрицей), связь их становилась только крепче. Сколько писем написали они друг другу! Вот и предложение руки и сердца прилетело Роксандре из далёкой Швейцарии.

«Я должна была настоять на скорейшем венчании, — с грустью признала Струдза. — Отбросить все сомнения и довести дело до конца».

Правда, если уж быть совсем честной, Иоанн как раз настаивал на обратном. Ему Роксандра нравилась именно на месте фрейлины. Удача к тому времени отвернулась от Каподистрии. Что произошло между её женихом и императором Александром, Роксандра так никогда и не узнала, но государь явно охладил к графу Иоанну и начал больше привечать немца Нессельроде, устроив, в конце концов в Министерстве иностранных дел настоящее двоевластие.

Что должна была сделать в таком случае любящая невеста? Помочь милому! Роксандра поступила по зову сердца и... всё проиграла. Даже рискуя перейти грань дозволенного, она смогла убедить императора в незаменимости своего жениха. Каподистрии в Швейцарию отправили приглашение на Венский конгресс, граф туда прибыл... но не смог простить невесте этого «унижения». Когда они встретились, Иоанн ни разу не обмолвился о своей обиде, но и ни одного тёплого слова не прозвучало более из его уст. Всё стало явным, когда он подарил Роксандре символичное кольцо: на тонком золотом ободке сторала в рубиновом огне бабочка с сапфировыми крылышками.

«Надо было сделать вид, что не поняла намёка. Иоанн не смог бы забрать обратно официально сделанное предложение. Кто меня тянул за язык?.. Предложила дружбу... Господи, какая же дура!»

Роксандра выдвинула ящик стола и достала красную коробочку с роковым подарком.

«Всё продумал, даже коробка, и та — как огонь», — с раздражением подумала Струдза, открывая крышку.

Сапфиры казались тёмными, почти чёрными, а рубины полыхнули в отсветах свечей, будто языки пламени.

— Вот так и мое счастье — взяло и сторело, — прошептала Роксандра.

Звук собственного голоса показался ей странным — как будто неживым. Что-то во всём этом было мистическое. В памяти всплыли воспоминания юности, когда после смерти сестры к юной Роксандре стали приходить видения, а потом она слышала голоса. Тогда это, наверное, спасло её разум, а может, и жизнь. Эти силы явно не имели отношения к святости, но Струдза ни о чём не жалела.

«Они спасли меня тогда, может, помогут и теперь?..»

Мысль была смутной. Чего Роксандра хотела? Вернуть любовь графа Иоанна? Но этой любви, похоже, никогда и не было, раз она так легко исчезла под напором гордыни.

«Ну и пусть, главное — вернуть жениха, а потом всё как-нибудь исправится», — искушало сердце.

Прежде Роксандра служила семье, потом своей истерзанной Родине и своему мужчине, но никогда ничего не делала для себя. Может, пора начать, пока не стало слишком поздно? Ведь мужчину можно приворожить. Вон «провидица» Татарина, собирающая половину высшего общества на свои бдения в Михайловском замке, не таясь, берётся за такие дела.

«Нет, к Татариновой нельзя! Теперь все чуть ли не поголовно к ней ездят. Не дай бог, о моём визите станет известно», — остановила себя Струдза.

Она задумалась. В столице всюду шептались о француженке с Охты. Сплетни об её притоне давно ходили в свете, но в царском дворце о нём слышали лишь единицы. А вдруг это спасение?.. Может, попробовать?..

Елизавете Алексеевне вновь нездоровилось. Фрейлины сочувствовали государыне, наперебой предлагали ей свои услуги, но императрица неизменно отказывалась и отпускала их всех отдыхать. Сегодня фрейлины освободились совсем рано, и Варвара Туркестанова не смогла устоять перед искушением в кои-то веки развеяться и отправилась на приём к княгине Голицыной. С хозяйкой дома они приятельствовали уже лет пятнадцать, но в модном литературном салоне экстравагантной княгини Ады фрейлину привлекало отнюдь не изысканное общество и не умные разговоры — в этом она сама могла дать фору любому из гостей. Варвара ехала на приём в надежде повидать мужчину, от которого совсем потеряла голову.

Владимира Голицына она помнила с его детства, мальчик часто появлялся в домах этого разветвлённого княжеского семейства, а Варвара дружила с десятком его кузин. Она и не заметила, как милый ребёнок вырос и превратился в весёлого и остроумного красавца, а потом Владимир ушёл на войну и вернулся героем. Вся грудь его парадного мундира блистала орденами, а лёгкая хромота из-за ранения в щиколотку даже придавала ему какой-то романтический шарм. Варваре никогда не приходило в голову, что этот голубоглазый двадцатилетний Аполлон может посмотреть в её сторону, и она не поверила своим ушам, когда однажды Владимир пригласил её на вальс и признался в любви:

— Барби, я давно люблю вас и таскался с визитами к родне в надежде, что вы приедёте в гости к тёткам или кузинам. Я мечтал, что вернусь героем и вы наконец-то увидите меня в истинном свете.

Княжна тогда, может, впервые в жизни не нашлась, что сказать. Она посмотрела в яркие голубые глаза своего поклонника и прочла в них такое восхищение, какого ещё никогда не встречала. Сердце её дрогнуло. Наверное, Варваре не стоило давать такую слабинку, но как можно в сорок лет, когда ты уже смирилась с тем, что никто и никогда тебя не полюбит, не отозваться на столь сильное чувство? Варвара не смогла устоять, а новый поклонник со всем пылом молодости бросился её завоевывать. Шаг за шагом пробирался он всё дальше и дальше, а когда они оказались в постели, отступить стало уже некуда. Молодой пыл и неудержимая страсть Голицына сразили Варвару, неприступная крепость пала и теперь лежала в руинах: княжна до беспамятства влюбилась.

Вот только счастье её оказалось недолгим. Варваре и в голову не могло прийти, что молодой любовник не знал того, что при дворе было известно каждому: княжна Туркестанова — любовница императора Александра. Эта связь началась три года назад после отъезда за границу Марии Нарышкиной — фаворитка повезла на воды свою больную дочку, а государь, немного поскучав, обратил внимание на высокую, стройную и черноокою княжну Туркестанову. Варваре это, конечно, польстило, но все её иллюзии рассеялись, когда дело дошло до близости. Она-то надеялась хотя бы на симпатию, но у императора не было к ней ни малейших чувств. То, чем он занимался с Варварой, нельзя было назвать «постелью», Александр Павлович приходил справить нужду и не скрывал этого.

«По крайней мере, я любовница государя, — успокоила себя Туркестанова. — Конечно, фавориткой я уже не стану, но хоть что-то».

Утешение было слабым, но что она могла изменить? Варварины годы неумолимо катились к сорока, связь с императором всем при дворе была известна, княжна думала, что это придаёт ей в глазах Владимира ещё большее очарование: ему было лестно тягаться с самодержцем.

Отрезвление оказалось ужасным. Полный романтических чувств, Голицын пробрался на антресольный этаж, надеясь сделать Варваре сюрприз. Но удивили его: из комнаты возлюбленной, не скрываясь, вышел император Александр, а когда Владимир приоткрыл дверь и заглянул внутрь, увиденное не оставило у него никаких сомнений в том, чем только что занималась княжна Туркестанова. Бедняга ворвался в комнату и устроил Варваре скандал. Оскорбления одно страшнее другого сыпались на её бедную голову. Последними словами были:

— Не смейте ко мне приближаться. Я презираю вас!..

Княжна даже не представляла, что будет так страдать. Ей казалось, что она трезво смотрит на вещи и понимает, что почти двадцатилетняя разница в возрасте неминуемо приведёт к разрыву. Но, оказывается, разум и сердце не всегда могут договориться. Отчаяние сводило с ума, жить не хотелось. Не раз и не два уже приходили мысли о самоубийстве. Принять яд и уйти навсегда, не мучиться...

Как Варвара прожила две недели, да и ещё смогла выполнять свои обязанности так, что никто ни о чём не догадался, она до сих пор не понимала, но одно знала твёрдо: если не вернёт Владимира, то яда ей не миновать. Пора было что-то делать, хотя бы попробовать поговорить с ним.

«Ада — ему родня, он любит бывать в её салоне», — вдруг вспомнила княжна.

Нужно ехать! Решившись, Варвара подошла к окну и выглянула на улицу. К счастью, дождя не было. Авдотья Голицына жила почти рядом с дворцом — на Миллионной улице — и до её дома можно было дойти пешком. Княжна надела своё лучшее платье из пурпурного

бархата, шляпку в тон и закуталась в тёплую тальму.

«Господи, помоги!» — попросила она, перекрестилась и выскользнула за дверь.

В салоне «княгини-полуночницы», как звали Голицыну в свете за привычку начинать свои приёмы позже всех в столице, народу оказалось немного: Варвара приехала одной из первых. Хозяйка — необычайно яркая в алом шёлковом платье, с каскадом чёрных локонов, сбегających на плечи, — обрадовалась подруге и усадила её рядом.

— Барби, что с тобой? Ты вроде похудела... Не больна ли?

Неужели её страдания так заметны? Варвара постаралась ответить бодро:

— Нет, со мною всё в порядке, это государыня нездорова, вот мы все и переживаем.

Княгиня сочувственно зацокала языком и разразилась длинной тирадой о пользе пребывания на немецких лечебных водах. Подругу Варвара слушала в пол-уха — её интересовал лишь любовник. Стали появляться гости, хозяйка оставила княжну и занялась вновь прибывшими. Наконец в дверях мелькнули знакомые золотистые кудри. Владимир Голицын в чёрном с золотом мундире был так красив, что сразил Варвару наповал. Она даже прикрыла глаза, не в силах глядеть на своего кумира, а когда открыла их, Голицына в зале не оказалось.

«Где он? — ужаснулась княжна. — Увидел меня и ушёл?»

Варваре стало безразлично, что подумают гости и что скажет хозяйка. Она рванулась к двери. Туркестанова выскочила на лестничную площадку в тот миг, когда её любовник уже надевал шинель. Голицын заметил Варвару, и его взгляд полыхнул такой ненавистью, что княжне пришлось опереться о колонну. Хлопнула дверь — Владимир ушёл.

— Ну что, так и будешь здесь стоять? — прозвучал за спиной Варвары певучий голос.

Туркестанова обернулась. Княгиня Авдотья взирала на неё с нескрываемым скептицизмом.

— А что мне делать?

— Вольдемар сох по тебе с детства. В нашем возрасте нужно ценить такую верность...

Похоже, что Авдотья ничего не знала, а может, делала вид, что не в курсе отношений Варвары со своим родственником. Княжна так устала бороться с судьбой, а сил что-либо скрывать у неё уже не осталось, и она призналась:

— Ада, ты не понимаешь! Я тоже люблю его, а он не желает меня больше видеть!

— Да ты что? — изумилась княгиня. — Но почему он вдруг так переменился?

— Он узнал обо мне и государе!

— Ах...

Голицына на мгновение задумалась, но потом спросила:

— И ты собираешься оставить всё как есть?

— А что я могу поделать?

— В Италии такие дела решаются в два счёта, — отозвалась Голицына.

Княгиня Ада прожила за границей лет десять и, наверное, знала, о чём говорит, но Варваре от этого было не легче. Слезы брызнули из её глаз.

— Тихо, тихо, перестань, — испугалась хозяйка дома, она метнула взгляд в распахнутые двери салона, к счастью, никто из гостей пока не заметил ни истерики княжны Туркестановой, ни ухода хозяйки. Голицына увела Варвару в сторону так, чтобы их не было видно из салона, и зашептала: — Барби, прекрати. Мы всё с тобой устроим. Я знаю одну француженку, она чего только ни делает, а уж мужчину вернёт в два счёта. Сегодня у меня гости, но если ты сможешь приехать завтра...

— Я могу! Мое дежурство — с утра, в пять пополудни я освобожусь!

— Вот и славно. Приходи ко мне, и поедем с тобой на Охту.

Княгиня проводила Варвару до дверей и отправила во дворец в своём экипаже. Всю обратную дорогу фрейлина Туркестанова спрашивала себя, во что она опять умудрилась ввязаться? Впрочем, отступить ей всё равно было некуда: если не приворот — значит, яд! Только от одной мысли об этом сердце пронзал жестокий холод.

Глава пятая

При дворе

В Москву нагрянули холода, и дождь исполосовал стены домов грустными тёмными разводами. Если бы Алексей был суеверным, то мог бы подумать, что сам привёз ненастье из Петербурга. Впрочем, погода уже не огорчала Черкасского, как прежде, у князя появился другой повод для волнения: в его семействе назрел бунт, который он старался подавить с наименьшим ущербом для собственной совести.

— Фрейлина императрицы — это большая честь, — твёрдо изрёк Алексей, глядя в мятежное лицо младшей сестры. — Я понимаю твои чувства: тебя не спросили, но я дал слово быть хорошим опекуном и сделаю всё для твоего счастья. Юность смотрит на мир иначе, чем зрелость, ты ещё полна иллюзий, а я свои растерял под Аустерлицем, оттого и поступил по собственному разумению. Фрейлина может покинуть дворец, лишь выйдя замуж, других случаев не предусмотрено, возможны также болезнь или бесчестье, но я надеюсь, что тебя минует и то, и другое.

— Но почему, Алекс?! Почему ты так со мной поступил? Ты ведь обещал совсем другое!

— Я дал слово при встрече поговорить с князем Сергеем и узнать о его отношении к тебе. Не уверен, что ответ этого человека тебе понравится. Но в любом случае — Курского сейчас в России нет! Я написал барону Тальзиту и спросил у старика, как поживает и где обретается его наследник. Так вот, князь Сергей по-прежнему служит при посольстве в Лондоне и он не женат. Только это и дает мне возможность задать ему не совсем приличный вопрос о личных делах.

— Правда?! — обрадовалась княжна. — А что ещё крестный сообщил?

— Он написал, что твоя подруга Мари Белозёрова помолвлена с наследником Уваровых. Будущий жених привёз в Италию письмо для её бабушки, а Мари как раз там жила. Теперь семья объявила о помолвке. — Алексей выдержал паузу и наконец-то открыл припасённый напоследок козырь: — Кстати, барон сообщил, что вторая из двух твоих подруг, Натали, скоро будет представлена ко двору и получит место фрейлины.

— Да что же ты раньше этого не сказал? — обиделась Ольга. — Ты нарочно это сделал!

— У меня тоже есть свои маленькие слабости, одна из самых невинных — привычка дразнить младших сестёр.

— Алекс, ну как тебе не стыдно?! Ты дразнишься, а Холли не до шуток, — укорила брата Лиза Печерская. До сих пор она в разговор не вмешивалась, но тут уж не выдержала.

— Считайте это платой за мои преждевременные седины из-за ваших проделок. Но не станем уклоняться от темы. Я надеюсь, что дело решено, и завтра утром мы сможем выехать в столицу?

Графиня Печерская уже открыла рот, чтобы пообещать брату всё, что он хочет, но её младшая сестра и не думала сдаваться:

— Как же ты собираешься поговорить с князем Сергеем, если он служит в Лондоне, а мы станем жить в Санкт-Петербурге? — спросила она брата.

— Мы подождём Курского при дворе. Он дипломат, значит, обязательно когда-нибудь приедет в Министерство иностранных дел. Если к тому времени он не будет женат, обещаю, что поговорю с твоим избранником. Но на этом — всё! Собирайся! Меня ждут в полку, так

что утром выезжаем, — заявил Алексей и не удержался от колкости: — Позвольте мне немного отдохнуть в мужском обществе. Я поеду в клуб, вернусь поздно, так что встретимся за завтраком. Пусть накроют к шести.

Черкасский вышел. Лиза дождалась, чтобы звук его шагов затих в коридоре, и шепнула младшей сестре:

— Я знаю, кто сможет вызвать князя Сергея в Петербург. Дядя моего Мишеля — действительный статский советник Вольский — большой чин в Министерстве иностранных дел. Дядя сейчас в Москве. Завтра у меня последний спектакль. Вольский обещал быть в театре, я расскажу ему о нашем деле и попрошу о помощи. Только, пожалуйста, никому не говори об этом! Я тоже обещаю молчать, даже Мишелю не скажу.

— Какая же ты умница! — восхитилась Ольга. — Конечно, я не проболтаюсь, ведь Алекс меня убьёт, если узнает.

Лиза не стала объяснять, почему решила на столь рискованный шаг. Просто она вспомнила свои семнадцать лет. Сколько же дров она тогда наломала!.. Графиня обняла сестру и повела её укладывать вещи. Впрочем, толку от Ольги было мало. Княжна думала лишь об одном: понравится ли князю Сергею при встрече. Пришлось Лизе всё решать самой...

Рано утром Алексей увёз младшую сестру, а Лиза начала готовиться к своему последнему спектаклю. Её беременность давно стала заметной, и костюм Розины из «Севильского цирюльника» перешивали уже дважды. Теперь примадонна выходила на сцену, накинув на плечи белую испанскую мантилью. Лёгкое и широкое, это кружевное полотно скрывало округлившийся живот, а зрители считали, что видят часть костюма. Лизе было жаль покидать сцену. Казалось, что её голос стал богаче оттенками, а главное, сильнее. Но что делать? Выбирать не приходилось...

Лиза подставила плечи горничной, державшей на вытянутых руках чёрную бархатную тальму, и в последний раз посмотрела в зеркало. Сегодня ей хотелось быть особенно красивой, чтобы зрители надолго запомнили её прощальный спектакль. Стук в дверь предупредил о приходе мужа.

— Волнуешься? — участливо спросил Михаил, заметив печаль в глазах жены. — Но ведь ты поёшь бесподобно! Публика, как всегда, сойдёт с ума от великой Кассандры Молибрани.

Лиза вздохнула:

— В последний раз! Я не представляю, как смогу обойтись без сцены...

— Вот родишь, тогда и посмотрим.

Михаил ободряюще улыбнулся и поторопил жену. Времени до начала спектакля оставалось мало...

...Граф Печерский оказался прав: спектакль прошёл с оглушительным успехом. Всю сцену давно завалили цветами, а капельдинеры всё несли и несли огромные букеты и многочисленные цветочные корзины. Лиза в последний раз вышла на поклон. Она наслаждалась единым порывом огромного зала и грохотом несмолкающих аплодисментов — хотела запомнить этот миг навсегда. На глаза навернулись слёзы, и со сцены пришлось уйти. В кулисах муж подхватил Лизу под руку и повёл в гримёрную.

— Милая, ты — величайшая из певиц, и я обещаю, что ты обязательно вернёшься на сцену, — сказал он.

Это подействовало: Лиза постепенно успокоилась, потом вспомнила о данном сестре

обещании и спросила:

— Дядя пришёл?

— Да, он уже ждёт нас в гримёрной, сейчас увидишь.

Михаил распахнул дверь ярко освещённой большой комнаты, выделенной театром на время выступлений Кассандры Молибрани. Действительный статский советник Вольский ждал здесь своих племянников.

— Лизанька, ты пела божественно! — увидев примадонну, воскликнул он. — Я никогда не слышал ничего столь выдающегося. А как ты играла — весь зал жил лишь тобой одной!

Графиня явно обрадовалась:

— Спасибо, дядя! Я знаю, что вы объездили весь мир и бывали во многих театрах. Ваша похвала дорогого стоит.

Лиза прошла к зеркалу и стала откалывать парик. Как бы между делом, она попросила мужа:

— Мишель, пожалуйста, уладь все оставшиеся дела с дирекцией театра, а мы с дядюшкой подождём тебя здесь.

Граф кивнул и отправился получать деньги за спектакль, как делал до этого уже много раз, а Лиза обратилась к Вольскому:

— Дядя, у меня к вам есть секретное дело. Давайте, я всё расскажу, а вы решите, сможете ли помочь.

— Хорошо, — удивился заинтригованный дипломат.

— Моя младшая сестра Ольга два года назад влюбилась в князя Курского — он работает при посольстве в Лондоне. Ольга была слишком молода, и князь Сергей не смог взять на себя никаких обязательств, а потом уехал к месту службы. Теперь сестру представляют ко двору, и она будет фрейлиной императрицы, но Ольга мечтает вернуть прошлое. Её чувства не остыли, хотя о Курском она давно ничего не слышала. Не будет ли по вашему ведомству оказии, чтобы князь приехал в Санкт-Петербург?

Вольский изумился. Какие же совпадения бывают в жизни! Неделю назад графом Нессельроде — стремительно набиравшим влияние управляющим Иностранной коллегией — было принято решение создать в Англии резидентуру. За блестящей графиней Ливен хотели оставить высший свет и английское правительство, а помощнику посланника Курскому решили поручить сбор сведений о новинках вооружения и английских заводах. Князю Сергею уже направили вызов — его ждал Нессельроде, а эту встречу как раз и должен был подготовить Вольский. Но не объяснять же всё это племяннице!..

Однако Лиза ждала ответа, и старый дипломат признался:

— Мне нет нужды что-то придумывать: князь Курский и так скоро прибудет в Петербург.

Графиня просияла:

— Ах, дядя, вы сняли камень с моей души! Я так хочу, чтобы наша Холли была счастлива!

— Дай-то бог...

В примерную вернулся Михаил, и Вольский стал прощаться:

— Ну всё, мои дорогие! Здоровья вам и удачи... Пишите! Сюда я теперь долго не приеду.

Печерские проводили старика, а вскоре лакей сообщил, что цветы уже загружены в экипаж и можно отправляться. Лиза ехала домой с лёгким сердцем. То, что Курского вызвали в российскую столицу ещё до того, как она обратилась к дяде со своей просьбой, укрепило графиню во мнении, что Холли помогает сама судьба.

— Ну, Холли, тебя непременно признают первой красавицей двора! — воскликнула княгиня Черкасская, разглядывая золовку. Ольга как раз примеряла новое платье. Этот наряд цвета льда, вместе с десятком других, доставили сегодня из столичного магазина «Луиза де Гримон», открытого недавно на Невском проспекте.

Катя прикинула, что на первые два месяца дебюта её золовки при дворе нарядов хватит. Все платья Ольге очень идут — вон как она радуется. Просто светится от удовольствия.

— Спасибо тебе, Катюша! — сказала княжна и призналась: — Мне даже не верится, что это я. Хотя такие платья любую девушку сделают красоткой.

Ольга любовалась переливами бледно-голубого шёлка, тот оттенил её серые глаза, сделав их сверкающими, как звёзды. Да и покрой у всех нарядов был таков, что фигура казалась в них просто великолепной. Неужто Ольга и впрямь так хороша, или это самообман? Катя развеяла её сомнения:

— Какая же ты красавица! Кожа белая, а волосы, как шоколад. Да и разрез глаз необычный: глаза большие и в то же время немного раскосые, как у восточных красавиц. Вот увидишь, отбоя от поклонников не будет. Придётся Алексею ходить с пистолетом, — засмеялась княгиня, но, поймав в зеркале укоризненный взгляд, подняла вверх обе руки. — Сдаюсь! Больше не стану говорить такое, пока ты сама не разрешишь.

— Вот ты шутишь, — оскорбилась Ольга, — а Лиза написала, что князь Сергей скоро прибудет в Петербург. Я так боюсь ему не понравиться!

Катя в отчаянии всплеснула руками.

— У меня просто нет слов! — сказала она. — От тебя невозможно оторвать глаз, а ты мучаешься вопросом, понравиться ли мужчине. Ты не можешь не понравиться! Ты красива, как ангел, и так же добра! Кого же ещё любить, если не тебя? — Детская неуверенность в собственных силах, никак прежде Ольге не свойственная, расстроила княгиню, и она прикрикнула: — Всё, Холли, пора собираться! К пяти часам нас уже ждут во дворце.

Ольга жалобно вздохнула и окончательно сникла. Просто беда с ней!.. Катя растерялась. Как привести золовку в чувство? Как её ободрить?.. Оставалось одно — посоветоваться с Алексеем.

Три часа спустя давно одетый в парадный мундир князь Алексей по-прежнему пребывал в одиночестве.

«Опоздаем! — злился он. — Свяжешься с женщинами — попадёшь впросак!»

И только когда остатки его терпения лопнули, как мыльные пузыри, дверь наконец-то отворилась — и в гостиную торжественно вплыла Катя в кружевном придворном платье со шейфом. Она улыбнулась, отступила в сторону и, театрально выставив руку, произнесла:

— Ваша светлость, позвольте представить первую красавицу двора — светлейшую княжну Черкасскую.

В дверях стояла Ольга. Она сверкала, как бриллиант!

Алексей запаниковал:

— Катя, а может, её одеть поскромнее? Она какая-то очень яркая...

— И что ты прикажешь мне сделать? — лукаво осведомилась княгиня. — Ольга ярка от природы, смыть эти краски я не могу.

В тоне жены прозвучали нотки упрямства, и князь сразу же сдался:

— Ну ладно, уговорила! Поехали скорее, иначе опоздаем.

Черкасский взял жену под локоть и повёл к экипажу. Ольга поспешила за ними. Княжна поймала себя на мысли, что её бросает то в жар, то в холод, да и руки противно задрожали.

Похоже, что она совсем раскисла... Ольга крепко сжала кулаки, стараясь успокоиться. Нельзя терять присутствие духа! В её жизни нет места слабости. Княжна Черкасская должна переиграть судьбу, и она обязательно это сделает!..

Черкасские напрасно беспокоились: они приехали даже раньше, чем нужно, и теперь, не спеша, шли за лакеем, провожавшим их к Георгиевскому залу. Дворец поразил Ольгу: всё здесь оказалось грандиозным. Белая в бронзе и зеркалах лестница, а потом — анфилады бесконечных роскошных комнат. Наконец лакей распахнул высокие резные двери, и Черкасские вошли в торжественно-прекрасный зал. Множество окон, разделённых белыми колоннами, орнамент на потолке, повторяющий рисунок паркета, два ряда огромных люстр создавали такую перспективу, что зал, казалось, стекался к тому месту, где на крытых алым бархатом ступенях возвышался трон.

«Интересно, а сегодня государь будет на нём сидеть?» — задумалась Ольга.

Волнение её унялось, страх растаял, и княжна с любопытством глядела по сторонам. В зале несколькими группами стояли гости, окружавшие молоденьких барышень. Ольге показалось, что за спиной высокой старухи в пышном берете с пучком страусовых перьев мелькнули золотые кудри подружки Натали — младшей из графинь Белозёровых, внучатой племянницы крёстного. Но старуха заслонила свою подопечную, и Ольге пришлось усмирить любопытство (не подниматься же на цыпочки, как маленькой). Княжна благонаравно опустила глаза и встала рядом с невесткой.

Церемониймейстер с резным жезлом в руках вошёл в зал и предложил всем гостям встать с правой стороны длинной ковровой дорожки. Он стал выкликать имена дебютанток, и Ольга с изумлением слышала, что её назвали первой. Алексей подхватил жену и сестру под руки и провёл их поближе к ступеням трона.

— С тебя начинается представление, — шепнула золовке Катя, и Ольга так разволновалась, что даже позабыла о своей подруге, но Натали закричала сама:

— Холли! Я тоже здесь!

Ольга обернулась и послала ей улыбку, но Алексей увлёк сестру вперёд.

— Не задерживайся! Скоро выйдет царская чета.

И впрямь, церемониймейстер мгновенно расставил новых фрейлин и их родственников вдоль красной дорожки, ведущей от входа в зал к тронному месту. Пересчитал и, довольный результатом, отошёл к боковой двери.

— Его императорское величество Александр Павлович и её императорское величество Елизавета Алексеевна! — провозгласил он.

Двери распахнулись, и в зал вошла прекрасная пара. Немолодые. Далеко за тридцать. Высокий, широкоплечий мужчина в чёрном мундире вёл под руку тоненькую, как былинка, белокурую женщину в простом светлом платье. Ольга вместе со всеми дамами опустилась в глубоком реверансе и не поднимала глаз, пока царская чета не остановилась рядом с ними. Церемониймейстер назвал её имя. Сквозь ресницы княжна увидела, что рядом выпрямилась невестка, но Ольга, как её учили, осталась склонённой.

— Встаньте, мадемуазель, — прозвучало над её головой.

Ольга поднялась, и как будто попала в столп солнечного света: ей ласково улыбнулся император. Лицо Александра Павловича показалось княжне очаровательным.

— Время идёт, Алексей! Вот и твоя младшая выросла. Казалось, мы только вчера среднюю сестрицу в Англии замуж выдавали, а уже и этой пора жениха искать, — сказал государь.

— Я очень рада, что вы станете моей фрейлиной, — добавила императрица. Елизавета Алексеевна, ободряюще улыбнулась Ольге и протянула ей бриллиантовый шифр — приколотую к голубому банту брошь с выложенными алмазами буквами «Е» и «М».

Церемониймейстер назвал имя другой девушки, и царская чета перешла к следующей группе гостей. Натали Белозёрову представили третьей. За головами царедворцев Ольга разглядела мать подруги — графиню Софью, и незнакомую величественную старуху. Княжна успела заметить, как императрица улыбнулась Натали и как девушка расцвела.

«Елизавета Алексеевна словно ангел — всех ободряет. Наверное, будет легко ей служить», — с надеждой подумала Ольга.

Царская чета переходила от одной фрейлины к другой. Наконец представление закончилось. Елизавета Алексеевна взяла под руку государя, и они направились к той же двери, из которой вышли. Ольга вновь присела в низком реверансе, но успела поймать лукавый взгляд императора, брошенный князю Черкасскому. Двери за царской четой захлопнулись, и все заговорили свободнее.

— Государь, наверное, никогда не забудет твоей шутки, — тихо попеняла мужу Катя. — Каждый раз, как меня видит, обязательно тебе подмигивает!

— А как Алекс пошутил? — полюбопытствовала Ольга.

— Когда твой брат представлял меня государю, он сказал, что я — «его княгиня», — хмыкнув, объяснила Катя.

— Я сказал правду, и император оценил шутку, раз до сих пор её помнит.

Ольга поискала взглядом свою подругу и спросила:

— Здесь Натали Белозёрова. Можно я к ней подойду?

— Давайте подойдём вместе, — решил Алексей, — я давно не видел Соню и её девочек.

Черкасские двинулись к окну, где стояли Белозёровы. Графиня Софья сияла.

— Я очень рада, что у Натали появится во дворце подруга, — призналась она. — Теперь, когда наша Мари выходит замуж, боюсь, моей младшей дочке будет одиноко. — Графиня замолчала, но вдруг, что-то вспомнив, спросила: — Холли будет жить во дворце или дома?

— Нам сказали, что всем фрейлинам обязательно выделяют комнаты, но, если у них нет обязанностей на текущий вечер, они могут уехать домой. Утром, до выхода обеих императриц, фрейлины обязаны вернуться, — объяснила Катя. — Я думаю, что Холли в основном станет жить дома.

— Я тоже так решила для Натали. Только вот мой папа в Италии совсем плох, боюсь, мне придётся уехать. Уговариваю матушку не возвращаться в Москву, а пожить в столичном доме, но она колеблется, — вздохнула графиня.

— Не могу! У меня в Москве слишком много обязательств, — пробасила её свекровь.

В разговор вмешалась Катя:

— Натали может приезжать к нам. Да и того проще — пусть поживёт, пока вы не вернётесь из своей поездки.

Белозёрова обрадовалась:

— Вот спасибо! Как хорошо всё устроивается: и матушку домой отпустим, и я буду спокойна.

Заметив, что они остались в зале одни, оба семейства распрощались. Ольга еле вытерпела поездку в экипаже. Дома она уллучила момент и, оставшись с невесткой наедине, бросилась ей на шею.

— Катюша! Как же ты это придумала? Ведь если Натали станет жить у нас, то князь

Сергей обязательно сюда придёт!

— Потому и придумала, что хорошо знаю Курского. Он — человек благородный и, чтобы ни думал обо мне и Алексее, племянницу свою в одиночестве не бросит, — объяснила Катя и уже строже закончила: — Но дальше ты уж сама разбирайся, сводничать я не стану. Это нехорошо!

— Спасибо тебе, милая, я обязательно справлюсь... Надеюсь, что справлюсь!

Катя ободряюще улыбнулась, но, решив не развивать больше скользкую тему, попрощалась и вышла. Княгиня сильно сомневалась, что у Сергея Курского и её собственного мужа хватит благоразумия переступить через уязвлённую гордость.

«Будь что будет! — подумала она, — Холли достойна счастья, и раз она уверена, что ей нужен только Курский, пусть уж девочка его получит. Знать бы ещё сколько воды утечёт и сколько раз деревья сбросят листву, провожая уснувшее лето, прежде чем это мечта исполнится».

Глава шестая

Трудный разговор

5 декабря

Бесконечный парк, газоны в облетевшей листве и белесая дымка дождя — картина навевала меланхолию. И так тошно, а тут ещё и природа грусти добавляет. Граф Кочубей отвернулся от окна и взглянул на свой портфель. Убрать вещи или оставить? Ситуация казалась очень скользкой. Виктор Павлович не зря обратился к императрице-матери. Отношения августейших супругов не ладились так давно, что предсказать ответ императора на обвинение в адрес Елизаветы Алексеевны не составляло труда: он разведётся с супругой и отправит бедняжку домой к матери. А потом что? Княгиню Нарышкину на трон?

«Упаси Бог от такой напасти, — ужаснулся граф и перекрестился. — Только панны нам в императрицах и не хватало. Тогда вся Польша тут кормиться будет!»

Возможно, он преувеличивал, но Нарышкину граф не любил (в чем, впрочем, был совсем не одинок), дама сия оказалась на редкость легкомысленной, да и, честно сказать, недалекой и никак не могла равняться с умницей Елизаветой Алексеевной. Пока у царской четы сохранялось текущее статус-кво, оставалась надежда на примирение, тем более что ни для кого не было секретом, как Елизавета Алексеевна жаждет воссоединения с мужем.

«Неужели такая женщина могла решиться на приворот? — в очередной раз спросил себя Кочубей. Он вспомнил тонкое, почти прозрачное лицо императрицы, на котором остались одни грустные голубые глаза, и сразу же отверг эту мысль. — Нет, это невозможно! Только не она».

Впрочем, догадки и домыслы были ему не по чину, его оружие — сведения, улики и доказательства. Кочубей покрутил в руках кольцо с горящей в огне бабочкой, кинул его в портфель, а потом сгреб и остальное. Тут стукнула дверь, и в кабинет вошла хрупкая дама в лиловом платье. Уже немолодая — скорее всего, под сорок — она казалась простой и милой. У плеча на голубой ленте поблескивал бриллиантами шифр — фрейлина... Граф давно знал Орлову, и для него не было тайной, что императрица поручает этой даме самые деликатные дела. Орлова улыбнулась, и её умные голубые глаза потеплели.

— Здравствуйте, Виктор Павлович! Государыня сказала, что вы хотите ввести меня в курс какого-то дела.

Без лишних слов прошла она к столу, села в кресло, где прежде сидела императрица, и сказала:

— Я слушаю...

Кочубей на мгновение задумался. С чего же начать? Наверное, следовало рассказать о мадам Клариссе. Он так и сделал:

— Дело в том, Агата Андреевна, что на Охте нашли убитой одну француженку. Дама сия была особой сомнительной. Лет десять назад приехала вроде бы в гувернантки, но осела в столице и устроила здесь... — Кочубей вновь, как и с императрицей, запнулся (дамы всё-таки), но закончил: — В общем, её заведение предназначалось для женщин.

Орлова даже бровью не повела, и граф так и не понял, разгадала ли она его намёк. Впрочем, сейчас это было не так важно, и он перешёл к главному:

— Есть в этом деле ещё одна деталь — мадам Кларисса практиковала чёрную магию: ворожбу, порчу, привороты всякие. Брала дорого, но говорят, что результат гарантировала.

— Кто говорит? — уточнила Орлова, и граф удивился:

— В каком смысле?

— Кто сказал, что она гарантировала результат?

— Полиция нашла двух служанок — девицы у неё работали. Они-то и сказали. Девиц сразу после убийства арестовали, но их пришлось отпустить: они показания дали, где были во время совершения преступления. Выяснилось, что обе ездили в имение Грузино ублажать аракчеевскую метрессу.

Кочубей, смутившись, замолчал, но фрейлина осталась невозмутимой. Напомнила:

— Я перебила вас, простите. Вы говорили, что Кларисса занималась ворожбой и преуспевала в этом.

— Да! Девицы эти, кстати, обе француженки, показали, что желающих воспользоваться её услугами было хоть отбавляй, и, понятное дело, заговоры делались на мужчин. Вы в этом разбираетесь, Агата Андреевна?

Фрейлина мягко улыбнулась, теперь в её глазах запрыгали смешинки.

— Я думаю, бывший министр внутренних дел знает, что я гадаю на картах Таро.

Орлова попала в точку. Кочубею было известно о привычке Марии Фёдоровны в сложных ситуациях прибегать к картам, и делала она это с помощью Орловой, вот только узнал он об этом не из донесений, а от собственной жены — статс-дамы вдовствующей императрицы. Впрочем, делиться своими мыслями с фрейлиной-шутницей Виктор Павлович не собирался и поспешил вернуться к делу:

— Вы уж, Агата Андреевна, будьте великодушны, возьмите эту шараду на себя. Честно сказать, я в такую чушь, как заговоры, совсем не верю. Однако это дела не меняет — Клариссу всё равно убили.

— Как это случилось?

— Зарубили топором... Как будто убийца обезумел. Охтинский частный пристав высказал предположение, что ударов нанесли больше десятка: на месте головы осталось кровавое месиво.

Фрейлина явно насторожилась.

— Тогда как вы узнали, что убили именно Клариссу?

— По волосам (она красила их в цвет апельсина) и по большому родимому пятну на лопатке. Обе девицы показали, что оно у неё есть, вытянутой формы, тёмно-малиновое.

Орлова задумчиво кивнула, и граф продолжил:

— Убитую нашли рядом со столом с оплывшими ритуальными свечами, из чего я делаю вывод, что убила её одна из заказчиц. Я не сомневаюсь, что убийца — женщина. Может, ей ворожба не помогла и она пришла требовать возвращения оплаты. Кларисса не согласилась, слово за слово...

— Тогда топор к приходу убийцы должен был лежать в комнате, что маловероятно, а если орудие убийства принесли с собой, это уже не похоже на умопомрачение во время ссоры, — заметила фрейлина и уточнила: — Где полиция нашла топор?

— В том-то и дело, что он на месте преступления не найден. Убийца унесла его с собой или спрятала где-то снаружи. В доме топора нет.

— Вы абсолютно уверены, что убийца — женщина? — уточнила Орлова и добавила: — И, кстати, если орудие убийства не нашли, почему вы решили, что это именно топор?

— По форме ран! Их мог оставить именно топор, а что до пола убийцы, так тут и думать нечего: покойница впускала к себе лишь дам.

— А мужчин в её окружении совсем не было? Кто ей дрова колот, печи топил?

Кочубей поздравил себя с такой помощницей — цепкая и рассуждает чётко.

— С домашними делами женщины сами справлялись, а вместо дров они уголь покупали.

— Вы правы в том, что множество беспорядочных ударов, скорее, нанесла бы женщина. Мужчина уверен в своей силе, он бьет и смотрит на результат, а женщина, только начав, станет бить, не разбирая, — признала Орлова. — Впрочем, женщины тоже разные бывают, иные — хладнокровнее любого мужчины. К тому же не нужно исключать, что вам отводят глаза — хотят навести на ложный след, вот и выдают мужчину за женщину.

Фрейлина всё время отвлекала Кочубея, не давая перейти к главному, и граф стал потихоньку раздражаться.

— Это всё мелочи, Агата Андреевна, — сказал он. — Проломили голову сомнительной француженке... Да разве я стал бы из-за этого государыню беспокоить? Дело вот в этом!

Кочубей открыл портфель и вновь выложил на стол пудреницу и зеркало, а потом кольца. Орлова внимательно их осмотрела. Наконец спросила:

— Где вы нашли вещи Елизаветы Алексеевны?

— В ящике того стола, на котором стояли оплывшие ритуальные свечи.

— А кольцо Струдзы?

— Там же, — отозвался Кочубей и уточнил: — Откуда вы знаете, что кольцо принадлежит именно ей?

— Я была в Вене, когда Струдза его получила в подарок от графа Каподистрии, а поскольку пара сразу же расторгла помолвку, то это кольцо наделало много шума.

Орлова взяла в руки тонкий золотой ободок с сапфировой бабочкой и повернула его к свету. Рубины сверкнули красным огнем. Фрейлина с отвращением отбросила кольцо.

— Даже жутко, — сказала она. — Только мужчина мог быть так жесток, придумав подобную гадость. А всего-то дело в уязвлённом самолюбии. Впрочем, это не важно... — Орлова задумалась, а потом спросила: — Полиция обнаружила деньги и другие ценности?

— Нет, всё исчезло.

— А вот эти вещи лежали в ящике стола, можно сказать, на самом виду?

— Именно так, — подтвердил Кочубей. — Очень смахивает на подставные улики.

— И вы хотите, чтобы я, не поднимая шума, понаблюдала за Роксаной? — осведомилась Орлова.

Граф поправил ее:

— Нет, Агата Андреевна, не только. Дело гораздо серьезнее. Все знают, что Роксана — доверенная фрейлина императрицы Елизаветы. Вы же понимаете, что Струдза могла действовать по её наущению... Отношения между государыней и её супругом оставляют желать лучшего. Возможно, что императрица от отчаяния могла пойти на крайние меры...

Кочубей никак не мог решиться назвать вещи своими именами, а фрейлина не хотела ему помогать. Её лицо посуровело, и улыбка больше не играла в глазах. Молчание становилось всё тягостнее, и Кочубею показалось, что он выглядит нашкодившим мальчишкой. Наконец Орлова соизволила произнести:

— Я давно знаю её императорское величество. Елизавета Алексеевна скорее умрёт, чем причинит вред своему супругу. К тому же императрица, хоть и отдаёт свои личные деньги на

благие дела, но не настолько стеснена в средствах, чтобы расплачиваться за воровство кольцами и пудреницей.

Граф повеселел: в этой опасной ситуации у него появился настоящий союзник. Теперь осталось добиться того, чтобы Орлова взялась за это дело.

— Вы поможете мне, Агата Андреевна? Я ведь дров наломаю, если сам к императрице поеду.

Но фрейлина мириться не спешила. Спросила иронично:

— Так чего же вы от меня хотите? Чтобы я нашла при дворе убийцу этой француженки или чтобы выяснила, кто и на кого заказал приворот?

Да уж, не в бровь, а в глаз! Язык у Орловой оказался змеиным, но деваться Виктору Павловичу было некуда, и он сдался:

— Мне будет достаточно подтверждения, что ни императрица, ни дамы из её окружения не совершали воровства против государя.

Орлова явственно хмыкнула:

— Тогда уж «за»! — Увидев непонимание в глазах графа, она засмеялась: — Мужчину привораживают к себе, какое уж тогда «против»...

— Ну, вы меня поняли! — рассердился Кочубей и строго напомнил: — Однако вы так и не ответили на моё предложение.

— Разве? — удивилась Орлова. — Знаете, Виктор Павлович, давайте сделаем так...

Фрейлина принялась излагать свой план. Раздражение и обида Кочубея постепенно растаяли, и вскоре он покинул Павловск в прекраснейшем расположении духа, а Орлова отправилась собирать вещи (она перебиралась в Зимний дворец). Уезжая, граф сказал главное: сроку у них — всего неделя.

«С чего же начать? — спросила себя Агата Андреевна, устроившись на подушках дворцовой кареты. — Я же вчера видела всех подозреваемых на балу у Лавалей. Там ещё случилось что-то особенное, связанное с фрейлинами».

Она попыталась вспомнить вчерашнее происшествие, вызывая в памяти лица фрейлин. Струдза так и простояла весь вечер рядом с Елизаветой Алексеевной, а вот княжна Туркестанова и некрасивая камер-фрейлина нашли себе кавалеров. Варвара танцевала с молодым Голицыным, но кто же пригласил Сикорскую? В памяти всплыли светлые волосы и породистое лицо. Кем был этот щеголеватый красавец?..

За окном экипажа поплыли улицы российской столицы. Хорошо, что добрались засветло: надо ещё многое успеть, времени-то — совсем в обрез.

Глава седьмая

Сергей Курский

Тремя днями ранее

До утонувшей в ледяном дожде российской столицы князь Сергей добрался на удивление быстро. Сразу после выхода из устья Темзы в паруса его корабля подул попутный ветер, и барк легко, будто скользя, полетел по свинцовым волнам Ла-Манша. Это везение не оставило путешественников ни в Северном море, ни в Балтике, и на пятый день корабль вошёл в чёрно-синие воды Невы.

В Петербурге Курский не показывался два года, хотя ему казалось — все двадцать. Впрочем, большой разницы не было: в столице изменений не наблюдалось. Петербург был по-прежнему горд, прекрасен и холоден, как вечные льды Севера... Может, хоть в министерстве какие-то новации? Иначе зачем его вызвали? Граф Ливен, передавая Сергею предписание, удивлённо спросил:

— Вы ожидаете перевода?

— Нет, ваше высокопревосходительство, я даже не представляю, с чем может быть связан этот вызов.

— Я, конечно, понимаю, что молодой человек должен делать карьеру, — вздохнул посланник, — но мы с супругой привыкли на вас рассчитывать...

Курский, как мог, успокоил своего начальника и отплыл в Россию на первом же корабле. И вот наконец Петербург. Что за сюрприз ждёт здесь Сергея?

У князей Курских в столице не было собственного дома, и Сергей собирался остановиться в доме старшей сестры. Соня потеряла мужа под Аустерлицем и с тех пор считала своей миссией материнство. Младшего брата она пыталась опекать так же, как и своих дочерей. Сергей сестру искренне любил, смотрел на её причуды сквозь пальцы и теперь с радостью ждал встречи.

Курский поднялся на крыльцо облицованного серым гранитом трехэтажного дома. Простой и лаконичный, он выделялся изящной красотой даже среди дворцов Английской набережной. Почтительный лакей открыл Курскому дверь и принял шинель.

— Что графиня, дома? — осведомился Сергей.

— Как же-с, изволят вашу светлость ожидать...

Князь поспешил в большую гостиную первого этажа. Соня устроилась в нише высокого окна и читала письмо. Бледный отсвет осеннего утра золотил белокурую голову сестры, и Курский с грустью заметил проблески седины в её проборе. Услышав шаги, Соня подняла голову и просияла.

— Слава богу, ты приехал пораньше! — воскликнула она и кинулась брату на шею.

Сестра забросала Сергея вопросами о дороге и самочувствии, о его бледности и худобе, но потом опомнилась и вспомнила о деле:

— Как удачно всё складывается! Я устрою тебя здесь, а сама уеду к родителям. Думаю отправиться морем, иначе осенние дороги меня просто убьют. Корабль на Неаполь уходит послезавтра...

— погоди! О чём ты? Мы бог знает сколько не виделись, а ты хочешь меня сразу

бросить?

— Ох, прости великодушно! Просто у меня голова кругом идёт от всех забот, — повинилась Соня. — Но я всё равно безумно рада тебя видеть, и ты прекрасно это знаешь.

— Но объясни, к чему такая спешка — что-то случилось? Мне мама ничего не писала...

— Вот письмо, только что принесли, и это уже второе за неделю. А ты свои, наверное, просто не успел получить: уже уехал из Лондона, когда они пришли. У папы открылось кровотечение, и наши родители переезжают с побережья на озеро Комо. Там появился новый врач, доктор Шмитц, мама пишет, что он ставит на ноги даже самых безнадежных. Но его условие — пациент должен жить в горах. Родители просят меня приехать. Боятся! С ними живёт Мари, да и жених моей дочки должен помочь с переездом, но мама стоит на своём — хочет, чтобы приехала я.

Сергей взял листок и углубился в чтение. Мать поступала деликатно, оставляя решение за Соней, но всё письмо было пронизано тревогой. Лучше всего было бы поехать в Италию им обоим, но этот срочный вызов не сулил Сергею ничего хорошего. Встреча с Нессельроде могла означать лишь одно — новое назначение, а значит, об отпуске не стоило и заикаться. Курский отложил письмо и глянул на сестру. Соня командовала двумя горничными, расставлявшими на столике чайный сервиз.

— Только не предлагай мне чаю, — попросил Сергей, — я приехал из Англии, так что сама понимаешь — чая уже обпился. Прикажи подать рюмку водки, сала с ржаным хлебом, да моченых яблок.

— С такой закуской ты одной рюмкой точно не обойдёшься, — хмыкнула Соня, — одну под сало, одну под яблоки.

— Вот видишь, ты сама всё знаешь! Учёного учить — только портить...

— Тогда жди. — Графиня отправилась отдавать распоряжения.

Сергей откинулся в кресле и закрыл глаза. В Сониной гостиной было так тепло и уютно, казалось, что ничто не должно волновать хозяев этого прекрасного дома, но жизнь рассудила иначе. Сестру ждало длительное и тяжёлое путешествие, а Сергей не мог помочь ни ей, ни родителям. Он вдруг вспомнил о младшей племяннице.

«А Натали? Почему Соня ничего не сказала о дочке? Отправила её к свекрови в Москву?»

Дверь отворилась, и вернувшаяся сестра поставила на столик серебряный поднос с запотевшим графином и тарелкой, полной ржаного хлеба и сала. Там же оказалась и плошка с мочеными яблоками.

— Вот твой заказ, а я уж, если ты не против, по-английски чаю попью, — улыбнулась Соня.

— Да, родная! Спасибо тебе...

Сергей налил в рюмку водки и взял мочёное яблоко. Выпив, он напомнил сестре:

— Ты ничего не сказала мне о Натали. Где она?

— Мы с её бабкой представили Натали ко двору, теперь она — царская фрейлина. Девочке повезло, что она осталась в покоях Елизаветы Алексеевны, а не попала к императрице-матери.

— Значит, Натали не сможет поехать с тобой?

Соня расстроено вздохнула:

— А что я могу поделать? Свекровь отказалась жить здесь. У неё в московском доме настоящая богадельня: полным-полно юродивых и странниц. Старуха приезжала сюда лишь

на два дня и по окончании торжеств сразу же отправилась обратно. Никакие уговоры не помогли — после гибели сына она так и не оправилась, теперь вся её жизнь — около икон. Но ты не волнуйся, меня выручили Черкасские. Вне дворца Натали будет жить у них. Её подружку, княжну Ольгу, тоже представили ко двору, и она тоже стала фрейлиной, теперь девочки всё время будут вместе. Так что за Натали я спокойна, ну, а ты как-нибудь справишься сам.

Впервые за два года прозвучало это имя. Княжна Ольга! Курскому показалось, что сестра вонзила в его сердце иглу. Сергей так старался забыть тоненькую девушку с раскосыми серыми глазами. Искренняя и тёплая, она смогла сотворить чудо — вытянуть князя Курского из ямы стыда и отчаяния, вернуть ему гордость и уверенность. А чем отплатил он? Предал светлого ангела... Но сейчас, когда Соня, сама того не ведая, всколыхнула мучительные воспоминания, из глубины памяти всплыло Ольгино личико. Княжна глядела на Сергея с изумлением и недоверием, как будто спрашивала, как он мог так с ней поступить. Хотя если уж быть честным, то нужно признать, что князь Курский предал тогда себя самого.

«А что я мог сделать? Ей не было и шестнадцати. Черкасский и так меня не жалует, пришлось бы драться на дуэли...»

Впрочем, уговаривать себя можно было сколько угодно, но легче от этого не становилось. Сергей проверил это на собственном опыте. Та нежная девочка из южного поместья излечила его, рядом с ней стало неважным всё то, что рвало душу в Лондоне, а Катя Черкасская, по которой Сергей вздыхал целых два года и на которой чуть было не женился, как-то вдруг забылась. Он ведь тогда поверил, что готов провести с Ольгой всю жизнь. Ну почему девушка, посланная самой судьбой, должна была оказаться сестрой единственного человека, не желавшего видеть князя Курского среди своей родни?!

«Как несправедлива жизнь: поманит счастьем — и обведёт вокруг пальца...»

Озабоченный голос сестры напомнил Сергею, что он в комнате не один.

— Серж, что случилось? — вопрошала Соня. — Почему ты побледнел? Не здоров?..

— Просто задумался о родителях...

Курский выпил залпом ещё одну рюмку, подцепил вилкой кусочек сала и, подумав, вновь взялся за графин. Новость о том, что его Холли выросла и уже представлена ко двору, ошеломляла. Вновь вспомнилось то ужасное падение. В этом ведь тоже была вина Сергея — нечего было устраивать состязание. Курский нёс Ольгу на руках, моля Всевышнего сохранить жизнь и здоровье этому хрупкому ангелу. Чуть слышный, как шелест травы, шёпот поразил Сергея в самое сердце:

— Я люблю вас...

Он — взрослый, битый жизнью человек — вдруг, как дитя, поверил в чудо, но счастлив был лишь несколько минут.

— У кого мне просить твоей руки? — спросил Сергей и получил убийственный ответ: прозвучало ненавистное имя. Удар оказался так силён, что Курский не смог его выдержать. Как лавина с горы, хлынули признания:

— Знаешь, я, наверное, последний из людей, которых Алексей Черкасский захотел бы видеть среди своей родни. Ведь я чуть было не женился на Кате.

Сергей рассказал историю позорно отменённой свадьбы. Ольга слушала и становилась всё бледнее, но так и не заплакала. Она не спрашивала, что будет с ними дальше, как видно, смирилась с неизбежным. Сергею показалось, что если он немедленно не уйдет, то будет

жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Уже через четверть часа он покинул поместье дяди, и с тех пор ни разу не слышал имени княжны. Это помогло ему хоть как-то наладить свою жизнь. Так что же будет с ним теперь?

«Какой стала Ольга? — шепнуло искушение. — Посмотреть бы...»

Наверное, это было безумием, но Курский вдруг понял, что не вернётся в Англию, пока не увидит княжну.

«Но ведь из-за того, что Натали живёт в их доме, Черкасским придётся меня принимать, — вдруг понял Сергей. — Чтобы ни думали обо мне князь Алексей и Катя, они не могут запретить мне видеться с племянницей. Но Холли!.. Вдруг она не захочет меня видеть?»

Стараясь не выдать своего волнения, Курский спросил у сестры:

— А когда же приедет Натали? Надеюсь, до твоего отъезда она поживёт дома?

— Не беспокойся! Она приедет к ужину. Кстати, ты ничего не рассказал мне о том, зачем на сей раз приехал.

— Сам не знаю! Получил приказ явиться к Нессельроде. Скорее всего, новое назначение. Надеюсь, не в Тмутаракань. Но, если честно, сейчас мне новаций не нужно — я бы с удовольствием взял отпуск и поехал с тобой, а тут этот вызов.

— Не спеши, — посоветовала практичная Соня, — когда всё узнаешь, тогда и решишь, что делать. Я не отказалась бы от твоей компании, да и родители обрадовались бы.

Брат обнял её и напомнил:

— Где твой завтрак? На корабле готовили сносно, но это не идёт ни в какое сравнение с твоими блинами.

— Ты — низкий льстец, но всё равно очень приятно это слышать, — засмеялась графиня.

Она взяла брата под руку и повела в столовую. За завтраком Сергею пришлось очень стараться, чтобы не потерять нить разговора, ведь все его мысли теперь были заняты тоненькой сероглазой девушкой.

Глава восьмая

Новое назначение

Действительный статский советник Вольский ожидал Сергея в длинной галерее у входа в приёмную графа Нессельроде и, увидев, поспешил на встречу.

— Добрый день, ваша светлость, — поздоровался он и предложил: — Войдём к его высокопревосходительству вместе.

— Может, вы расскажете, зачем меня сюда вызвали? Новое назначение?

— Не совсем так... Место работы у вас остается прежним, но обязанности поменяются, — обтекаемо сказал Вольский. — Пусть наш управляющий сообщит вам о своих намерениях лично.

Поняв, что из старого дипломата он больше ничего не вытянет, Сергей замолчал и вслед за Вольским вошёл в приёмную. Дежуривший у дверей молодой порученец сразу же побежал с докладом, а через мгновение появился вновь и любезно пригласил дипломатов войти. Сергей уже видел Нессельроде, сопровождавшего императора Александра в Лондоне, но на приём к управляющему Иностранной коллегией попал впервые. Этот сухощавый немец, со своим выдающимся носом-клювом и круглыми очками, сильно походил на сову. Дай бог, чтобы и умён был так же, как этот древний символ мудрости.

Увидев подчинённых, Нессельроде приветственно кивнул.

[Купить полную версию книги](#)